

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2020 – 4 (318)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2020**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *А.В. Белинский* – канд. полит. наук,
В.К. Белозёров – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора, *Н.В. Гинесина* – отв. за выпуск на англ. яз., *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *И.П. Добаев* – д-р филос. наук, канд. полит. наук, *Ш.Р. Кашаф* – магистр теологии, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам главного редактора, *В.Н. Счененович* – отв. секретарь

Россия и мусульманский мир : научно-информационный бюллетень / ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – Москва, 2020. – № 4 (318). – 120 с.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2020.04.001. Сченснович В.Н. Демографическая и миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19. (Сводный реферат).....	5
Добаев И.П. Этническое и конфессиональное в исламе: так ли религиозно чист «истинный ислам»?	10

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2020.04.002. Дмитриева Е.Л. Роль политических элит на Северном Кавказе. (Сводный реферат).....	24
Сченснович В.Н. Сотрудничество России с Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном в рамках ШОС и ЕАЭС. (Обзор)	33
2020.04.003. Дмитриева Е.Л. Энергетический фактор в современных российско-туркменских отношениях. (Сводный реферат).....	42
Икромов Ш.И. Реисламизация жизни мусульман Центральной Азии в конце XX в.	51

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Азимов К.С., Бибикова О.П. Шииты в общественно-политическом пространстве современного Ливана.....	62
Кириченко В.П. Иран и Сирия: факторы сближения и сотрудничества.....	75

<i>Бибикова О.П.</i> Роль улама в общественной жизни Сирии (1970–2020).....	85
<i>Белинский А.В.</i> Тень Анкары над Шпрее. Политика Реджепа Тайипа Эрдогана в отношении турецкой общины ФРГ.....	102
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2020 г.	117

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

2020.04.001. Сченснович В.Н.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (Сводный реферат)

1. Кашепов А.В. Теория эпидемиологического перехода и демографическая ситуация в России в 2020 году // *Modern science*. 2020. № 7-1. С. 42–50.

2. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарифова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: Мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право*. 2020. № 3. С. 45–58.

Ключевые слова: Россия; воспроизводство населения; смертность; предварительная оценка ситуации 2020 г.; пандемия; COVID-19; коронавирус; Центральная Азия; миграция; трудовые мигранты; образовательная миграция; приграничные регионы.

А.В. Кашепов [1] рассматривает теории, объясняющие процессы воспроизводства населения в России в период 2000–2020 гг. Особое внимание уделено проблемам смертности населения и увеличения ожидаемой продолжительности жизни. В статье дан предварительный анализ кризисных явлений 2020 г., связанных с пандемией COVID-19. Приводятся статистические прогнозы эпидемической смертности населения и расчеты ее возможного влияния на общие показатели за 2020 г.

В структуре причин общей смертности до пандемии 2020 г. автор выделяет смертность от медикобиологических (внутренние, естественные причины) и социально-экономических (внешних) причин. До пандемии COVID-19 было принято считать, что «внутренние» причины смертности стабильны, снижаются медленно и

не в такой степени зависимы от прямого влияния экономической и социальной ситуации в стране, а «внешние» причины тоже зависят от образа жизни и состояния медицины, но при этом находятся под более сильным влиянием государственной политики, экономики, законодательства.

Автор берет за основу несколько научных парадигм. Самой распространенной в мировой и отечественной литературе является парадигма «демографического перехода», которая в России развивается А.Г. Вишневским. Смертность и продолжительность жизни трактуются как социально-биологический процесс, зависимый от общества, экономики и государственного воздействия. Параллельно развивается теория «эпидемиологического перехода» А.Р. Омрана, в соответствии с которой на смену преобладанию экзогенных причин смертности (эпидемии) приходит первенство эндогенных и квазиэндогенных причин, происходит радикальное изменение структуры смертности. Пандемия 2020 г., считает А. Кашепов, возможно, покажет, что вывод об уходе подобных событий из глобального перечня причин смерти был преждевременным. Хотя если рассматривать «эпидемиологический переход» в контексте нескольких последних десятилетий, то данная теория, по его мнению, вряд ли может быть опровергнута событиями 2020 г.

В целях объяснения того, что происходило в России в 1990-е годы, когда резко возросшая смертность значительно превышала упавшую рождаемость, автор использовал в своих работах теорию «демографического кризиса». А. Кашепов предлагает следующую периодизацию демографической ситуации в России: нормальное развитие (не лишенное проблем) по траектории «демографического перехода» и «эпидемиологического перехода» до 1991 г., «демографический кризис» 1990-х годов, а после «стабилизация» и постепенное возвращение к траектории общемирового развития в 2000–2010-е годы. В рамках периода стабилизации наблюдались волнообразные движения общей численности населения, естественного прироста, рождаемости, потом пришла пандемия. Но предпосылок возвращения России к демографической катастрофе 1990-х годов исследователь пока не видит.

Смертность в России, резко возраставшая во время демографического кризиса 1990-х годов, в период 2002–2019 гг. непрерывно снижалась. Соответственно росла средняя продолжительность жизни, которая в 2019 г. составила 73,3 года. Исследователем показаны сравнительные данные по смертности от различных причин по России и некоторым странам мира. В развитых странах

наиболее массовой причиной смертности являются онкология и сердечно-сосудистые. В развивающихся странах обычно большую роль играют инфекционные заболевания (в 2020 г. они неожиданно захлестнули США и другие развитые страны), болезни органов пищеварения и внешние причины. В России смертность от инфекционных заболеваний в последние 20 лет была выше, чем в наиболее развитых странах, однако соответствующий коэффициент в целом был стабилен, в отличие от резкого снижения смертности от несчастных случаев, отравлений и травм.

Автор оценивает перспективы общего коэффициента смертности и общей смертности населения и смертности от COVID-19 на 2020 г. Число умерших в 2020 г., по прогнозам, увеличится. Это можно назвать пессимистическим вариантом, который исходит только из экономической рецессии как фактора. Альтернативную оценку смертности на 2020 г. А. Кашепов дает исходя из гипотезы о том, что на базовый тренд сокращения смертности от всех причин наложится дополнительная смертность от COVID-19. При этом на демографические итоги 2020 г. повлияет предполагаемая дополнительная смертность людей, которые считаются выздоровевшими от COVID-19, – от последствий коронавируса (от повреждения легких, сердца и др.), а также дополнительная смертность хронических больных. По мысли автора, на период после пандемии нужно сокращать общую смертность, опираясь на повышение уровня жизни и ее оздоровление. Также необходимо радикально увеличивать расходы на здравоохранение. Тогда задачи «сбережения народа» и повышения средней продолжительности жизни до уровня развитых стран будут успешно решаться в нашем обществе, заключает исследователь.

С.В. Рязанцев, З.К. Вазиров и Ф.М. Гарипова [2] рассматривают проблемы мигрантов в приграничных регионах России и Казахстана, а также на границах стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19.

Пандемия COVID-19, отмечают авторы, негативно влияет на центральноазиатских трудовых мигрантов, которые составляют наибольшую группу иностранной рабочей силы в России. Большинство трудовых мигрантов в настоящее время сталкиваются с безработицей и не имеют средств к существованию из-за пандемии коронавируса. Вследствие ограничений и закрытия государственных границ мигранты не могут вернуться в страны своего происхождения. При этом экономика принимающих стран, особенно

приграничных регионов центральноазиатского участка границ России, страдает от нехватки сельскохозяйственных рабочих.

Мигранты из стран Центральной Азии, подавляющее большинство из которых, как правило, находятся в трудоспособном возрасте, востребованы на рынках труда в России. Также трудовая миграция приносит прямую финансовую выгоду как принимающей стране, так и странам-донорам в виде вклада в валовой внутренний продукт. Все новые независимые республики в Центральной Азии после распада СССР испытали значительный отток рабочей силы за рубеж. Эмиграция привела к дефициту высококвалифицированных специалистов в этих странах.

Многие эксперты считают, что миграция по-прежнему носит стихийный характер. Положение о безвизовых поездках, а также географическая близость между странами региона стимулируют временную трудовую миграцию, которая часто носит сезонный характер. Авторы отмечают, что уровень правовой грамотности среди мигрантов из стран Центральной Азии невысок. Как правило, они приезжают легально, но из-за незнания местных миграционных законов и недобросовестных работодателей часто становятся «недокументированными» мигрантами. Это оставляет их без социальной защиты, а государство – без налоговых поступлений от их занятости.

Международная миграция в постсоветском пространстве в современных условиях играет важную роль в формировании демографического и социально-экономического развития России и стран Центральной Азии.

Ситуация с пандемией COVID-19 внесла существенные изменения в характер и тенденции миграции на постсоветском пространстве, по-новому очертила проблемы положения мигрантов, в особенности в приграничных регионах, где многие оказались в «зависшем» положении из-за закрытия границ. Россия и Казахстан в настоящее время являются «миграционными магнитами» для трудящихся-мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. За первый квартал 2020 г. численность мигрантов из стран Центральной Азии, въехавших в Россию с разными целями, – 1 060 401 человек. Основную часть составляют трудовые мигранты и находятся они во всех регионах России, хотя большая часть сосредоточена в крупных городах и в приграничных регионах России.

Чтобы раскрыть масштабы влияния COVID-19 на положение трудовых мигрантов в России, авторы приводят предварительные

результаты социологического онлайн-опроса ИСПИ ФНИСЦ РАН (апрель 2020 г.), который показал, что больше половины (65%) трудовых мигрантов из-за ограничений в связи с пандемией COVID-19 фактически остались без работы, 20% заявили, что работают на прежнем месте, около 4% респондентов нашли дополнительную работу. По данным онлайн-опроса, примерно треть мигрантов (34%) хотели уехать домой, но не смогли этого сделать из-за закрытия границ. Казахстан закрыл границы и ввел чрезвычайное положение. Страны Центральной Азии – доноры трудовых мигрантов – начали закрывать свои государственные границы. В результате ограничения на поездки международная мобильность резко сократилась, а к началу апреля практически прекратилась. Границы полностью закрыли Таджикистан и Узбекистан. Киргизия принимает только эвакуационные рейсы со своими гражданами. В результате положение мигрантов остается сложным, так как люди остались без средств к существованию, источников доходов и не могут оплатить жилье и питание. Эксперты утверждают, что те «мегаполисные трудовые мигранты», которые потеряли работу во время пандемии COVID-19, начали переезжать в южные регионы РФ, например в Астраханскую область для поиска работы, чтобы выжить в этот период. С 15 марта по 15 июня 2020 г. Президент РФ В.В. Путин отменил оплату патентов для трудящихся-мигрантов, и работодатели смогли принимать трудовых мигрантов без разрешительных документов.

Пандемия COVID-19, заключают исследователи, трансформировала миграционную ситуацию и выявила пробелы в миграционной политике стран Центральной Азии и России. Ограничения на поездки и закрытие государственных границ выясвили уязвимость «застрявших» мигрантов в условиях антисанитарии в переполненных аэропортах и контрольно-пропускных пунктах. Пандемия повлияла на глобальные тенденции в области международной экономической миграции и на динамику денежных переводов. Если рассматривать ситуацию через призму миграции, экономический кризис, вызванный COVID-19, может быть долгим, глубоким и масштабным. Нужно преодолевать информационный вакуум: информация о правилах найма иностранной рабочей силы должна быть предназначена не только для трудящихся-мигрантов, но и для потенциальных работодателей.

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,

эксперт Российской академии наук,

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

**ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ
В ИСЛАМЕ: ТАК ЛИ РЕЛИГИОЗНО ЧИСТ
«ИСТИННЫЙ ИСЛАМ»?**

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.01

Аннотация. Начиная с 80-х годов XX в. на территорию России под внешним влиянием стала активно проникать идеология, а затем и практика так называемого «чистого ислама». Его адепты вступили в непримиримую конфронтацию со сторонниками традиционного ислама, следствием чего стало появление и развитие религиозно-политического экстремизма и терроризма, прикрывающегося мусульманским вероучением. В этой связи представляется актуальным выяснить, существует ли реально так называемый «чистый ислам», свободный от влияния этническости и традиционных ценностей.

Ключевые слова: вахабизм; ислам; исламизм; пантюркизм; традиционный ислам; тюркизм; «чистый ислам»; этнос.

С конца 80-х годов XX в. в ходе бурно протекавших на территории Советского Союза возрожденческих процессов в религиозной сфере остро встал вопрос о «чистоте» тех форм ислама, которые в течение веков сформировались на этом пространстве. Вброс в информационную сферу таких понятий, как «чистый ислам» (или «истинный ислам»), своим следствием имел непримиримую борьбу с приверженцами традиционных версий ислама. В результате фиксировалась ускоренная политизация и радикализация этой религии, появление религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, который стал прикрываться мусульманским вероучением. Этому способствовало открытие информационных центров при посольствах некоторых мусульманских стран, приток на территорию нашей страны многочисленных миссионеров, а также практически бесконтрольный выезд за рубеж молодежи для получения исламского образования.

В этой связи представляется весьма важным в теоретическом и практическом ключе выяснить, существует ли реально так называемый «чистый ислам», свободный от влияния этничности, доисламских и иных более поздних ценностей.

Совершенно очевидно, что религиозное и этнонациональное в исламе, как и в других религиозных верованиях, пребывают в состоянии сложного взаимодействия. Они могут действовать самостоятельно, параллельно друг другу, либо противодействовать или взаимодействовать друг с другом. Последние процессы фиксируются наиболее часто, а наше восприятие зависит от соотношения силы и глубины взаимного влияния этнического и конфессионального факторов. Как свидетельствует практика, религия в реальной жизни практически никогда не выступает в своем «чистом» виде, но почти всегда в этнонациональной, политизированной и других формах.

Российский публицист Я. Амелина, касаясь темы соотношения религиозного и этнонационального факторов, отмечает, что, хотя, казалось бы, они органично дополняют друг друга, в реальности в этой сфере наблюдается конфликт. Излишний акцент исключительно на религиозной составляющей ведет к религиозно-политическому экстремизму, а на этнический – к этнонационализму [1, с. 147]. В пользу этого тезиса можно привести ряд аргументов. Например, после завершения Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, где фиксировался процесс искусственной укоренной реисламизации общества, царскими властями был сделан акцент на превалирование обычного права северокавказских горцев (адаты) над шариатом. Однако уже с 1905 г. официальную поддержку российских властей получает принцип «шариат против адата», что было связано с тем, что адаты еще более резко противоречили существующему законодательству и правовым нормам империи [2, с. 41]. Другой пример: в 80-х годах XIX в. в мусульманских регионах Российской империи возникает и развивается движение «джадидов», призванное осуществить борьбу с отсталостью мусульманских масс империи путем проведения реформ религиозного образования посредством внедрения новых методов обучения, преподавания, помимо богословских, светских наук. В ходе этой деятельности российскими мусульманами-турками, прежде всего крымско-татарским реформатором традиционного уклада жизни российских мусульман Исмаилом Бей Гаспринским (1851–1914), был введен в оборот не только термин «российский ислам», но и разработана идеологическая доктрина пантюркизма.

В дальнейшем пантюркизм будет востребован младотурками, а его главным идеологом станет турецкий обществовед Зия Гек Альп (Мухаммед Зия) (1876–1924).

Вместе с тем, как уже отмечалось, соотношение религиозного и этнического факторов в исламе не носит исключительно конфликтный характер. Еще раз подчеркнем: эти два компонента могут взаимодействовать, подпитывая друг друга, а могут пребывать в состоянии параллельного развития, не пересекаясь. В любом случае их взаимосвязь и влияние на эволюционные процессы в развитии различных форм бытования ислама, безусловно, представляют научный и практический интерес, в том числе и в сфере политики. При изучении этой реальности учеными выделяются как минимум три подхода [3, с. 18–23].

Первый заключается в том, что с точки зрения ислама этничность – малозначимый конструкт, поскольку теоретически ислам стоит над этничностью, расовыми и другими различиями. Главное – принадлежность человека к исламской умме.

Второй, аравийский, взгляд на проблему: в исламе имеется только одна доминирующая этничность (арабо-аравийская) – та, откуда вышел Пророк и его сподвижники. Вывод – арабское и есть исламское.

Третий подход гласит, что этничность важна для ислама. Синтез этнического и религиозного и привел в ходе распада Халифата к появлению так называемого «традиционизма» в исламе. Взаимосвязь этнического и религиозного стала причиной возникновения различных форм традиционного ислама: на Аравийском полуострове, в Северной Африке, Южной Азии, на Северном Кавказе [4, с. 54–58] и т.д.

Рассмотрим обозначенные выше подходы подробнее. Зародившись в первом десятилетии VII в., ислам как цельное учение сохранялся только при пророке Мухаммаде и первых двух «праведных» халифах – Абу-Бакре и Омаре. В этот период ислам возник и стал формироваться как религиозная система. Однако впоследствии он распался, стал мозаичным, и сегодня ислам, являясь крупным социальным институтом и одновременно процессом, включает в себя целый ряд направлений, толков, течений, а также и сект [5, с. 12].

Почти вся история мусульманской мысли представляет собой перманентное возникновение идейных течений, рождавшихся в ходе столкновения различных мнений по тем или иным проблемам. При этом ислам отнюдь не утратил своей общей мировоз-

зренческой целостности и системной устойчивости. В средневековом исламе движения и течения возникали, как правило, в связи с полемикой по вполне конкретным проблемам. Так, полемика по вопросам мусульманского права (фих) породила целый ряд мусульманско-правовых школ (мазхабов), по вопросу о власти – три существующих и поныне направления (сунниты, шииты, хариджиты) и т.д. В свою очередь, западными востоковедами и исламоведами в научный оборот было введено понятие «идейные течения в исламе», включающие в себя традиционализм, фундаментализм (салафийя) и модернизм.

Тем не менее несмотря на современную мозаичность ислама, среди мусульман существует глубокое убеждение об их принадлежности к единой общности людей, исповедующих общую веру, объединенных общими традициями, историческими корнями и единством интересов в современном мире, – к исламской умме мира, независимо от расовых, этнических, социальных, имущественных и иных отличий. Ислам в глазах его приверженцев – не только вера, но и образ жизни, бытовые правила и обычаи, менталитет, обусловленные шариатом. Ислам в большей степени, чем другие мировые религии, включен в систему социального и политического регулирования. Практически все стороны жизни мусульманина объявляются религиозно значимыми, поскольку кораническое мировоззрение не знает противопоставления сакрального и обыденного, религии и политики, сексуальности и благочестия. Вся полнота жизни свята. Цель – таухид (единобожие, постулирующее утверждение единства верующих), интеграция всей жизни в единой общине, которая и дает мусульманину ощущение близости к высшему единству – Богу [5, с. 12–13].

После своего возникновения ислам довольно быстро утратил чистоту начальной поры и неразрывно сросся с политической доктриной. Действительно, ислам принес людям не только Слово Божье (Коран), но и дал им государство, на первых порах способное обеспечить членам общества относительно равные условия и некоторое подобие «социальной справедливости». Однако изначально в исламе было заключено противоречие: иерархическое устройство общества освящалось вероучением, но при этом оно же утверждало, что все люди равны перед Богом. Это противоречие, несомненно, и предопределило последующую историю ислама, появление в нем различных направлений, толков, течений и сект. С этой же проблемой оказался тесно связан и вопрос о преемственности власти – как духовной, так и сугубо светской.

Подчеркнем, что ислам зародился на Аравийском полуострове в Мекке в начале VII в., где проживало арабское племя курейшитов, вследствие пророческой деятельности Мухаммада, представителя рода Хашим. Курейшиты в то время были язычниками (многобожниками), а потому крайне негативно восприняли проповеди Пророка относительно принципа единобожия новой религии. Вследствие этого в 622 г. Пророк со своей немногочисленной общиной вынужден был переселиться в Медину, однако вооруженная борьба с мекканскими многобожниками усилилась. Она завершилась только в 630 г., когда мекканцы капитулировали и в массовом порядке приняли ислам. Однако межклановые противоречия никуда не исчезли, став причиной гражданских войн в появившемся государстве мусульман – Халифате. Эти противоречия разрослись в период правления третьего праведного халифа Османа из курейшитского рода Омейядов, особенно после его убийства в 656 г. Уже тогда межклановые противоречия (Омейяды против Хашимитов) взяли верх над уже мифическим к тому историческому периоду религиозным единством мусульман, которые породили глубокие противоречия в исламской общине. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что межклановые противоречия и конфликты в арабских племенах и родах фиксировались еще в древние времена, когда враждебные отношения между племенами были обычным явлением.

В силу взаимообусловленности конфессионального и этнонационального начал в публицистику, а затем и в науку прочно вошел термин «исламский национализм». В отношении него сформировались два полярных мнения. Первый заключается в рассмотрении уммы исламского мира в качестве единой «исламской нации» (или «мусульманской нации») независимо от этнической принадлежности, расовых и иных отличий мусульман. Такой точки зрения придерживался, например, основатель египетской организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна. Его идейные последователи, среди них – идеолог ичкерийского сепаратизма Мовлади Удугов, основавший в 1997 г. организацию «Исламская нация», развивают в теории и на практике идеологические воззрения аль-Банны. Однако, по нашему мнению, такой подход чрезмерно идеалистичен, опровергается реальной политической практикой. Одновременно подчеркнем, что подавляющее большинство светских ученых-исламоведов под «исламским национализмом» в настоящее время понимают то или иное националистическое движение, действующее на части общеисламского поля. Например, пантюр-

кизм, о чём речь пойдет ниже. Итак, понятие «исламская нация» носит, скорее, метафизический, нежели реальный характер.

Два других подхода к соотношению религиозного и этнического в исламе, как представляется, более реалистичны, поскольку они реализуются в современной практике, но противостоят друг другу, а потому примирение между ними невозможно по причине несовместимости целей.

Что касается арабского влияния на возникновение и развитие ислама, то оно несомненно и безусловно. Как уже отмечалось, ислам возник на Аравийском полуострове, получив первоначальное развитие среди представителей ряда родов племени курейшитов, проживавших в Мекке. Дальнейший импульс к развитию он получил в Медине, куда в 622 г. совершили хиджру (переселение) Пророк и его община. В дальнейшем эта религия распространилась среди арабских племен всего Аравийского полуострова, а затем в ходе великих арабских завоеваний и миссионерской деятельности мусульманских проповедников-суфииев ее ареал расширился от Магриба до Филиппинских островов. Нет никаких сомнений в том, что не только новая религия воздействовала на умы разных народов и этносов, но и они оказывали воздействие на дальнейшее развитие ислама, превращая его из религии арабов в мировую.

Принятие ислама в период зарождения, расширения и укрепления Халифата, усиления его централизации довольно позитивно воспринималось другими народами, поскольку дало мощный импульс к их социально-экономическому и политическому развитию. Однако в дальнейшем, при достижении фазы надлома и последующей стагнации, стали проявляться и отрицательные стороны принятия новой для них религии, так как вместе с забвением религии своих предков стали исчезать и прежние ценности, традиции и обычаи. Национальные чувства притупились, поскольку этническая идеология подменялась религиозной. Люди произносили молитвы на чужом, арабском, языке, не понимая их сути и смысла. Принятие ислама повлекло не только смену прежних религий на другую, но имело более значимые последствия. Прежние традиции, обычаи, мировоззрение, законы стали подменяться арабскими. С принятием ислама неарабские народы перешли на арабский алфавит, отказавшись от собственной письменности. Новые поколения исламизированных народов стали утрачивать исторические и национальные корни своей древней культуры, традиции предков, их связь с прошлым была нарушена. Таким образом, смена религий

и переход на арабский алфавит повлекли смену жизненных ценностей, изменение мировоззрения большинства исламизированных и арабизированных народов. Одновременно «центр тяжести» в исламе постепенно смещался не в пользу арабов. Все больший вес приобретали другие народы, прежде всего тюрки, создавшие в лоне ислама ряд мощных государств и империй, среди которых следует назвать государства Газневидов и Сельджуков, империи Тимура, Великих Моголов и Османскую империю, территория которой в период ее наивысшего расцвета приближалась к 6 млн кв. км.

Великие арабские завоевания в основном шли в годы правления «праведных» халифов (632–661), а также в эпоху халифата династии Омейядов (661–750), основавших столицу в Дамаске. Аббасиды, образовавшие новую династию, правили уже из Багдада, ставшего их столицей. В годы их правления расширения халифата уже практически не фиксировалось. Более того, достигнув своего расцвета, государство стало утрачивать свою целостность, а Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Так, уже в 756 г. уцелевший представитель рода Омейядов – Абдурахман – создал собственный халифат на Иберийском полуострове, последний осколок которого – Гранадский халифат – в ходе реконкисты был отвоеван христианами у мавров в 1492 г. В последующем от халифата Аббасидов отпали: Алжир – в 777 г., Марокко – в 789 г., Ифрикия (Тунис) – в 800 г., Хорасан – в 821 г., Систан – в 867 г., Центральная Азия – в 900 г. Аналогичный развал шел в Сирии, Месопотамии, Аравии, Персии [6, с. 172]. Окончательно Аббасидский халифат был разрушен в XIII в. Чингизидами, основавшими на большей части его территории новое государство монгольской династии Хулагуидов. Последний аббасидский халиф – Мутаваккиль – в 1517 г. был вынужден передать прерогативы «повелителя правоверных» (титул халифа – «камер аль-муминин») турецкому султану Селиму I, разгромившему войска египетских мамлюков, приотивших последнего аббасидского халифа, в битве при Алеппо. Окончательно халифат был упразднен в 1923 г. в ходе начавшихся реформ основателя Турецкой Республики Кемаля-паши Ататюрка.

Ислам является мировой универсальной религией в связи с тем, что в ареал его воздействия входят многие народы, имеющие различные этнические, расовые, культурные и другие особенности. Поэтому хотя вера, учение, отправление культа на арабском языке являются общими для всех мусульман, но религиозные обычаи, традиции, обряды имеют четко выраженные черты региональных и национальных культур, что позволяет отличить,

скажем, турецкий ислам от аравийского. Как отмечалось выше, и в самой арабской среде, в том числе среди курейшитов, отмечались межклановые противоречия и конфликты. Фиксировались факты отступничества от ислама и лицемерия, даже возвращения состояние «джахилийи» (доисламское невежество), в результате чего на Аравийском полуострове приходилось силой осуществлять процесс реисламизации. Например, после смерти Пророка первому праведному халифу Абу Бакру пришлось военным путем возвращать в лоно ислама тех представителей арабских племен, которые пошли по пути отступничества. Именно по этой же причине в целях построения собственного государства, «очищения» и реарабизации ислама, в середине XVIII в. в Аравии развернулось мощное религиозно-политическое движение, ставшее известным как «ваххабизм». Однако, несмотря на то что ислам появился на арабской почве, впитав в себя многое из арабских ценностей, в том числе этнических и даже племенных, говорить о том, что арабский ислам и есть «чистый ислам» вряд ли уместно.

Однако в XX в. фиксируются усилия отдельных стран и созданных ими организаций для создания условий по восстановлению доминирующих позиций арабов в мировой исламской умме. В фарватере этого процесса – Королевство Саудовская Аравия, на территории которой находятся две главные святыни ислама – в Мекке и Медине, куда ежегодно совершают паломничество (хадж) миллионы мусульман из различных стран и регионов. Следует подчеркнуть, что нынешнее королевство Саудитов было создано только с третьей попытки, в начале XX в. Жизнь первому Саудовскому государству дало так называемое «ваххабитское движение», возникшее в середине XVIII в. в результате союза между племенным шейхом Аль-Саудом и вероучителем Мухаммедом Абд аль-Ваххабом из аравийского Неджда. К началу XIX в. оно охватило всю Аравию, входившую в тот период в состав Османской империи, но в 1818 г. было разгромлено египетским войском Ибрагима-паша. Второй Риядский эмират просуществовал немногим более двух десятилетий (1843–1865) и распался в связи с ослаблением центральной власти и сепаратизмом местных правителей. Третий этап возрождения эмирата, связанный с именем главы и поныне правящей ветви родового клана Аль-Сауд – Абд аль-Азиза Ибн Абд ар-Рахмана – берет свое начало с 1902 г. В 1932 г. Абд аль-Азиз, объединив в единое государство Неджд, Хиджаз и Хасу, провозгласил образование Королевства Саудовская

Аравия. Наследниками короля стали его сыновья, в том числе нынешний правитель КСА – Салман Ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд.

Огромные запасы и доходы от продажи нефти и нефтепродуктов, а также скрепляющая саудовское общество идеология ваххабизма позволили КСА, этой крупнейшей монархии Персидского залива, стать лидером среди других монархий региона (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман), 25 мая 1981 г. создать Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ), куда вошли все шесть монархий региона, организовать и стать лидером многих международных политических мусульманских институтов (среди них – Организация исламского сотрудничества – ОИС, Лига исламского мира – ЛИМ – с ее многочисленными филиалами во многих странах мира и многие другие), а также и огромного количества неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО), посредством которых вовне осуществляется экспорт той версии суннитского ислама, которая доминирует в КСА – неоваххабизме, базирующегося на ханбалитском мазхабе, самом жестком в суннитском исламе. Именно саудовская версия «арабского» ислама – неоваххабизм – презентуется сегодня в качестве «чистого ислама», с требованиями «очищения» других, традиционалистских интерпретаций этой религии.

Третий подход к взаимосвязи в исламе религиозного и этнического связан с традиционалистским исламом, феномен которого был предопределен, во-первых, с включением в VII–XI вв. в состав Арабского халифата множества народов, а во-вторых, с последовавшим затем его распадом на более гомогенные в этнокультурном отношении государства, в каждом из которых ислам приобретал специфический оттенок, характерный образу жизни конкретного мусульманского этноса.

Народы с иными культурными традициями, включившись в духовную жизнь мусульманского мира, привнесли в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы, обычай. Как верно подчеркивает известный отечественный востоковед и исламовед С.М. Прозоров, шел диалектический процесс взаимовлияния ислама «теоретического» и «бытового», «официального» и «народного». Однако этот процесс проходил не одновременно в разных регионах мусульманского мира и привел к тому, что в крупных историко-культурных регионах (Мавераннахр, Персия, Северная Африка, Индия, Индонезия и др.) ислам приобрел специфические черты. Поэтому решение проблемы соотношения ислама единого и ислама регионального имеет важное научно-

методологическое значение. В основе этого решения лежит признание того объективного факта, что наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир, существуют различные региональные формы бытования ислама, так или иначе связанные с этничностью. В таком случае проблема отнесения тех или иных представлений, норм, обычаев к исламским или «инородным» переходит в плоскость лишь ретроспективного анализа, а основным критерием принадлежности к духовному миру ислама является самосознание человека или целого народа, считающих себя мусульманами [7, с. 7–8].

Исходя из этого, можно утверждать, что «именно с традиционалистским, а не богословским исламом ассоциируется неразделимость этнического и конфессионального начал... Именно через традиционалистский, а не догматический ислам в первую очередь формируются стереотипы поведения каждого конкретного мусульманина, который на бытовом уровне является членом своей этноконфессиональной общины и только на макроуровне – носителем ценностей и атрибутов мировой уммы» [8, с. 64–65]. Сего дня сторонники традиционализма выступают за сохранение той версии ислама, которая исторически сложилась в той или иной стране, регионе, на той или иной территории, а также противодействуют каким-либо переменам как в религиозной сфере, так и в общественной жизни [9, с. 30].

Религиозное и национальное (этническое) в мусульманстве пребывают в состоянии сложного взаимодействия. Как отмечалось выше, национализм как политическая идеология и религия, ислам в частности, в качестве социокультурного комплекса могут действовать каждый самостоятельно, либо содействуя, либо противодействуя друг другу. Как свидетельствует практика, особенно последних полутора столетий, национализм и ислам не раз сближались и расходились. Их объединяли и разъединяли реалии социальной и политической истории. Возможность их результивного взаимодействия, несмотря на принципиальные расхождения, как представляется, обусловлена функциональным сходством. В гносеологическом отношении и национализм, и религия основаны на абсолютизации соответственно – нации (государства-нации) и вероисповедной общины, которые воспринимаются как социально не дифференцированные общественные структуры. Для них зло однаково воплощено в «чужаках», причем на мусульманском Востоке чаще всего в лице враждебного экспансионистского Запада, а затем уже местных коллaborационистов [10, с. 102].

Ислам, в силу неразделенности в этой религии светского и конфессионального, всегда оказывал заметное воздействие на ход социально-политических процессов в мусульманских странах и регионах. До появления национализма в современном его понимании освободительные движения, имевшие место в исламском мире, зачастую использовали религиозные лозунги в защиту традиционного образа жизни. В самосознании народов и этносов, особенно в критические периоды их истории, религия отождествлялась с этнонациональными представлениями и чувствами, влияя на межэтнические отношения, нередко подпитывая этноэгоистические и националистические установки представителей определенных слоев общества. Вместе с тем, как свидетельствует практика, религия в реальной жизни практически никогда не выступает в своем «чистом» виде, но всегда в этнонациональной, политизированной, эстетизированной и других формах.

В противоположность религии, национализм ставит целью создание современного государства и общества. При этом история ислама свидетельствует, что не этнонациональные отношения приспосабливались к религиозной системе, напротив, последняя приспосабливалась к ним. Примером может служить многовековая история Османской империи, а теперь и Турецкой Республики. В течение четырех столетий турецкие султаны одновременно были халифами, духовными и светскими лидерами мусульман-суннитов. После крушения империи в начале XX в. курс был взят на построение государства-нации с опорой на идеологическую доктрину тюркизма. Однако уже в последние десятилетия прошлого века в Турции наблюдается процесс реисламизации, а исламистская партия Эрдогана «Справедливости и развития» с 2002 г. является правящей. Вместе с тем уже в 1990-е годы на парламентском уровне фиксировалось смыкание националистов «Партии националистического движения» (ПНД) и исламистов. Этот сложный процесс взаимодействия религиозного и националистического факторов получил свое оформление в качестве теории турецкого национально-религиозного синтеза. Уже упоминавшееся нами понятие «исламский национализм» сегодня чаще понимается не как идеалистическая «исламская нация», но в качестве того или иного националистического движения, действующего на части общеисламского поля. Например, турки в идеологических концепциях радикальных исламистов и этнонационалистов представляются «лучшими из мусульман». Активным сторонником распространения идей исламизма и пантюркизма в духе тюркско-исламистского

синтеза выступает турецкий миллиардер, глава религиозной общинны «Нурджулар» («Светлый путь») Мухаммед Фетхуллах Гюлен [11, с. 64].

Превалирование этнического фактора над конфессиональным можно также отследить на примере идеологической доктрины афганских талибов, которые, в первую очередь, являются пуштунами со своим обычным правом (пуштунвалай) и только затем – мусульманами. Данное обстоятельство позволяет им противостоять другим этническим группам афганских мусульман – таджикам, узбекам, туркменам и т.д.

Взаимодействие ислама с нормами обычного права (адаты) и традиционными обрядами можно обнаружить и у народов Северного Кавказа, однако и здесь этническое всегда превалирует над конфессиональным [12, с. 70]. Иначе говоря, в реальной жизни баланс между национализмом и религией практически всегда складывался в пользу первого. Особенно это заметно в ситуации, когда сталкиваются интересы этнонациональных групп одной конфессии. В этом случае религиозно-общинная солидарность уступает этнонациональной. Так было, например, в первой половине 90-х годов XX в. в Дагестане, когда единое духовное управление мусульман этой республики было буквально разорвано по этническому признаку на духовные управления даргинцев, лакцев, кумыков и т.д. Аналогичные тенденции фиксировались и в ходе реализации Доку Умаровым сепаратистского проекта «Имарат Кавказ». Так, несмотря на то что идеология радикального исламизма, на которой выстраивался политический проект «Имарат Кавказ», исключает вопрос этнической принадлежности, при назначении глав валайятов неформальный лидер северокавказского подполья придерживался принципа этнической паритетности. Согласно ему, амиром чеченского валайята не мог быть ингуш или осетин, равно как и амиром осетинского валайята не мог стать ингуш. Амиром объединенного валайята Кабарды, Балкарии и Карачая также не мог стать чеченец или представитель другого этноса. Хотя формально идеологи «Имарата Кавказ» демонстрировали ничтожность этнонациональной идеи в системе отношений «Имарата Кавказ», в действительности они следовали административному принципу этнической паритетности в системе иерархического управления кавказскими территориями. Точно так же первичные единицы в Сети – джамааты (бандгруппы) – были объединены в автохтонные ячейки, имеющие ярко выраженный этнический окрас. Анало-

гичные принципы в современном террористическом подполье на Северном Кавказе практикуются и в настоящее время.

Таким образом, как представляется, синтез религиозного и этнического выступает несомненным фактором, лежащим в основе традиционных форм бытования ислама. Одновременно те, кто ратует за «чистый» ислам, требуют очищения религии от позднейших наслоений, выходящих за рамки «золотого века» (период получения божественных откровений Мухаммедом и деятельности первых четырех «праведных» халифов, т.е. 610–661 гг.), на деле выступают сторонниками реарабизации ислама. Однако утверждение, что так называемый «чистый ислам» свободен от этнического арабского влияния, в корне ошибочно. Несмотря на то что упомянутые выше сакральные источники мусульманства составлены на арабском языке, который оказал колоссальное влияние на развитие культур многих неарабских народов, принявших ислам, говорить о доминировании в современном «исламском мире» арабской этничности, культуры, традиций, мировоззрений, думается, было бы неправильным. Тем более что многие народы в период великих арабских завоеваний и принятия ислама в культурном отношении находились на более высокой ступени развития, например – персы, сирийцы, некоторые другие народы. В этой связи ставить знак равенства между «чистым» и «арабским» исламом не только ошибочно, но и опасно, поскольку стремление к «очищению» религии на практике ведет к появлению религиозных фанатиков, радикалов, религиозно-политических экстремистов и даже террористов, прикрывающихся «благими» намерениями по «зачистке» ислама от «греховных нововведений», «ересей». Такая политическая практика почти всегда ведет к пролитию крови, к войнам, чему в современном мире масса примеров.

Вышеизложенное позволяет сделать принципиальный вывод: «чистого ислама», свободного от влияния этнического фактора, не существует, а есть ислам арабизированный (аравийский, неоваххабитский), который и представляется в качестве «чистого», «истинного». Стремление к его привнесению на Северный Кавказ и в другие российские регионы – это, по сути, попытка подмены местных этнических, культурных и иных идентичностей на арабоваххабитские. Такой процесс бесконфликтным в принципе быть не может.

Литература

1. Амелина Я. Религиозная и национальная культура на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия // Историческая память и диалог поколений в постсоветском обществе. М.: Книжный мир, 2016. 252 с.
2. Матвеев В.А. Государственно-политическая централизация и местное самоуправление на северокавказских рубежах России до 1917 года // Российский выбор. 1998. № 1.
3. Мухетдинов Д. К вопросу о российском мусульманстве // Россия и мусульманский мир. 2016. № 8 (290).
4. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1.
5. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва – Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2014. 332 с.
6. Рахманалиев Р. Империя тюрок. М.: РИПОЛ-Классик, 2015. 704 с.
7. Хрестоматия по исламу. М.: Восточная литература, 1994. 235 с.
8. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
9. Добаев И.П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6.
10. Левин З.С. Общественная мысль на Востоке. М.: Восточная литература, 1999. 245 с.
11. Добаев И.П. Геополитика Турции на Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 1.
12. Капустин Н.С. Научная школа «Религиозный синкретизм» // Научные школы Ростовского государственного университета. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2000.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2020.04.002. **Дмитриева Е.Л.**
РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(Сводный реферат)

1. Салгириев А.Р., Баранов А.В., Костенко Ю.В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское научное объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 145–147.

2. Рудков Ю.И. Политические элиты Северного Кавказа: особенности современного этапа развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 175–181.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; политические элиты; политический процесс; структура; конфликты; напряженность; протест; политическое лидерство; угрозы; вызовы.

Авторы исследования [1] Салгириев А.Р., Баранов А.В., Костенко Ю.В., анализируя роль элит на Северном Кавказе, показывают процесс их формирования, структурирования и поведенческие модели. Северный Кавказ является сложным, депрессивным регионом России, где проживают в основном автохтонные народы, которые исповедуют ислам и христианство. Для данного региона характерны высокая степень политизации, этничность, клановость, сильные трайбалистские связи, которые создают почву для конфликтного поведения. Региональные этнополитические элиты состоят из сложной системы тайпов, фамильности, тукумности. Их формирование происходит по закрытой модели на основе гильдий, а включение в круг избранных осуществляется доверенными лицами на основе неформальных связей.

Наличие реальной власти, формальных и скрытых рычагов давления на принятие решений определяет саму сущность полити-

ческих элит в условиях Северного Кавказа. Авторы указывают на низкое качество элиты, которое приводит к возникновению новых и к эскалации старых конфликтов. Этнократии используют в собственных меркантильных целях историческую память народов, нерешенные территориальные споры, несправедливость, социальную дифференциацию и т.д. Так, события 1992 г. вокруг спорного Пригородного района Северной Осетии – Алании, внутригосударственный российско-чеченский конфликт 1994–1996 и 1999–2000 гг., новые точки этнополитической напряженности в Ингушетии, Дагестане, межэтнические столкновения в Калмыкии, Кабардино-Балкарии свидетельствуют о наличии высокого конфликтогенного потенциала в регионе. Архаизация, слабо развитые институты гражданского общества, экономическая отсталость, по мнению авторов, также приводят к перманентной напряженности и конфликтам в регионе.

Как отмечают авторы исследования, федеральный центр начал проводить политику децентрализации и делегирования части своих полномочий в регионы еще в бытность Ельцина президентом. Это спровоцировало череду внутригосударственных и региональных конфликтов, в частности на Северном Кавказе. А сегодня отсутствие «зрелой» политической элиты в регионе, неспособность некоторых руководителей трезво оценить ситуацию на местах приводит к новым очагам этнополитической напряженности и конфликтов. К примеру, с начала октября 2018 г. в Ингушетии проходили манифестации, митинги, шествия, сопровождающиеся публичными оскорблениеми органов региональной власти, с призывами к смене правительства и т.д. Претензии митингующих сводились к тому, что в результате подписания 26 сентября 2018 г. Соглашения между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия о разграничении территории Ингушетия потеряла значительную часть своих земель. Такие события показали, что несогласованность и поспешность подобных шагов со стороны этноэлит, а также информационные вбросы и дезинформация со стороны политических оппонентов, которые поспешили использовать этот довольно чувствительный вопрос в собственных целях, усугубляют ситуацию.

Такое протестное поведение показывает, что политические элиты не всегда способны артикулировать интересы граждан и свидетельствует о слабости доверия со стороны населения решениям политico-административных элит, а также сигнализирует о том, что население подвержено сильному влиянию оппозиционных

сил, провокаторов. Отмечается активная роль контрэлит в политическом процессе. Так, например, оппозиционные западные диаспоры поспешили возглавить этот процесс для собственной рекламы.

Диаметрально противоположное отношение к проблеме границы сложилось в соседней Чеченской Республике. Проведенное в 2017 г. исследование показывает, что большинство опрошенных респондентов (55%) считают, что обстановка на Северном Кавказе останется прежней, а 11% считают, что она ухудшится. И только 15% ответили, что она улучшится, 19% вообще затруднились ответить на вопрос. Эти цифры показывают скептическое отношение населения Северного Кавказа к изменениям, которые происходят здесь в последнее время.

В российском обществе сложилось мнение, что именно в регионы Кавказа идут многомиллиардные вливания из федерального бюджета и там они разворовываются. Подобные настроения в обществе культивируются ангажированными средствами массовой информации и особо обостряются в период выборов. На деле же, согласно опубликованным статистическим данным, известно число субъектов с самым большим числом дотаций из федерального бюджета и среди них три субъекта из пятерки лидеров не входят в Северо-Кавказский федеральный округ.

Говоря о структуре элит Северного Кавказа, авторы отмечают патрон-клиентальную основу с сильным преобладанием политико-административных факторов. В такой элитной структуре существует руководитель, глава («патрон») и группа – помощники, советники, заместители и так далее, т.е. формируется «клиентела». При перемещении патрона из одной должности на другую вместе с ним перемещается и его клиентела. При отстранении от должности патрона разрушается и его «обойма», которая может нести сильные репутационные потери («бывшие»). Данная элитная организация может существовать только при вертикальной протекции, под эгидой более влиятельного чиновника. Такая структура характеризуется достаточно сильным конфликтогенным потенциалом и острыми противоречиями, так как построена по закрытой системе, а распределение политических и экономических ресурсов выстроено по авторитарному принципу. Простые люди не могут занять должности, где сконцентрированы властные полномочия, без одобрения «патрона», его покровительства.

Авторы исследования еще раз подчеркивают, что именно механизмы формирования этнополитических элит и ее низкое качество являются существенным источником конфликтов. В этой

связи коррумпированность, недостаточный професионализм и теневой характер ее функционирования все еще остаются главными недостатками. В условиях Северного Кавказа проблема коррупции является основным общественным раздражителем, провоцируя протестное поведение, особенно в молодежной среде.

Авторы исследования, говоря о современном этапе, указывают на начавшиеся процессы централизации политической вертикали, усиление роли федеральных органов исполнительной власти (введение полномочных представителей президента страны в федеральных округах, создание федеральных территориальных министерств, назначение и отстранение глав регионов). Подобные административные меры, по мнению авторов, были вызваны постепенным ослаблением контроля центра на местах, возрастанием роли этнократий на фоне слабости управления.

Важно отметить, что политические элиты кавказских республик способны аккумулировать и детерминировать этнокоммуникационный потенциал, что приведет к возникновению определенного торга с местными этноэлитами. Выход из ситуации авторы видят в постепенном ослаблении роли элит, введении новых каналов рекрутования и инкорпорации элит, а также в дальнейшей интеграции народов Северного Кавказа в общероссийское цивилизационное и культурное пространство; в борьбе с социальной дифференциацией путем подавления коррупции и введения справедливых судов.

Исследуя особенности современного этапа развития элит Северного Кавказа, Ю.А. Рудков [2] акцентирует внимание на таких факторах, как неравнозначность субъектов РФ, асимметрия их политий и экономического потенциала, которые определяются национальными и историческими особенностями этих территорий. В таких условиях, считает автор, местные элиты имеют различные социально-экономические возможности и в силу этого обстоятельства вынуждены использовать разнообразные управленческие стратегии, порой приводящие к противостоянию или даже к конфликту друг с другом. Задачу федерального центра автор видит в том, чтобы не допускать нарастания этих конфликтов и купировать их в самой начальной фазе развития. Насколько эффективной оказывается данная политика, видно на примере качественного состояния местных политико-административных элит.

Если в 1990-е годы российские политические элиты развивались в условиях так называемого «демократического транзита» и господства западной либеральной концепции власти, то в 2000-е

и особенно в 2010 г. они столкнулись с новыми вызовами внутреннего развития, связанными с усилением вертикали власти, конфликта с ценностями западного мира, нивелирования некоторых демократических институтов (на фоне усиления бюрократизации) и утверждения мягкого варианта авторитарного стиля политического руководства. После Мюнхенской речи В.В. Путина (10 февраля 2007 г.) российское политическое руководство пошло по пути усиления суверенитета и сворачивания политики открытого партнерства с Западом. Именно проблема суверенитета и стала предметом раздора между Москвой и коллективным Западом, который привык уже к тому времени пользоваться суверенитетом России по своему геополитическому усмотрению.

Если рассматривать глубинные основы российской элиты, то нетрудно обнаружить в ней те же самые черты и элементы, свойственные всему российскому обществу. Таковыми общими чертами являются традиционализм, этатизм, единоначалие, бюрократизм... О последнем (бюрократизации) особенно много говорится, когда дело касается проблемы коррупции и клиенталистских отношений. Автор констатирует, что проблему не замалчивают, а активно обсуждают на всех уровнях, но решить ее кардинально не удается по причине несовершенства самой системы политического управления и социокультурной мобильности.

В 2008 г. помощник президента России и автор концепции «суверенной демократии» В.Ю. Сурков заявил о том, что российская политическая элита имеет главную кадровую проблему – отсутствие открытой конкурсной селекции.

Современная российская административно-политическая элита до сих пор страдает идолопоклонничеством перед западными авторитетами, считая, что Россия не имеет морального права на свое особое мнение. Пережитки вестернизации особенно сильны у лиц среднего поколения, которые пришли во власть в 1990-е годы. Так называемая компрадорская элита (которую чаще всего именуют «пятой колонной») рассматривала себя в качестве составного элемента глобалистского проекта Запада, поскольку разделяет его фундаментальные ценности и начала уже фактически интегрироваться в его социально-экономические системы. Эксперты отмечают, что «личные интересы значительной части российской элиты лежат за пределами России. Сложившаяся в основном при Ельцине, политическая элита фактически застыла в своем развитии, искусственно остановив «вертикальные социальные лифты». Селекция российской элиты происходит методом самовоспроизведения. Она

всё больше приобретает черты наследственного характера. Механизм самовоспроизведения – это образование детей и наличие «тепленых местечек» для их старта и продолжения карьеры. Государственные чиновники не заботятся о развитии и престиже российских национальных университетов, не направляют учиться туда своих детей. Их дети получают западное образование, впитывают западную идеологию, некоторые дети государственных российских чиновников самых высоких уровней управления страной уже стали гражданами других государств. В результате уже следующее поколение нынешней российской элиты, которое постепенно приходит к власти, не будет преследовать никаких национальных интересов своей страны. Всё это делает данную элиту крайне уязвимой для давления на нее со стороны, что приносит интересам государства значительные системные угрозы и в первую очередь ограничивает суверенитет России.

Автор выделяет еще одну угрозу в самом федеративном устройстве Российского государства. Речь идет о проблемах асимметричного федерализма. В идеале федеративное устройство подразумевает наличие свободной конкуренции региональных элит и формирование ими регионального правительства на основе открытых и альтернативных демократических процедур. В России региональные элиты формируются путем назначения и утверждения из центра кандидатуры главы субъекта, что является элементом унитарного характера административно-территориального устройства. Таким образом, можно говорить о российском федерализме как о смешанном и асимметричном, поскольку наряду с областями и краями субъектами России являются также и национальные республики. Особенно это становится заметным на примере национальных республик Северного Кавказа. Данный регион всегда был проблемным для России, поэтому находился постоянно в зоне особого политического внимания.

По мнению автора, на Северном Кавказе социально-экономических проблем больше, чем в других регионах России, поэтому им и уделяется столь пристальное внимание. Но еще большего внимания требуют местные элитные сообщества, от консенсуса с которыми зависит безопасность России на южном направлении.

Говоря об особенностях политико-административных элит республик Северного Кавказа, автор отмечает их стремление к этнократии с опорой на традиционный (консервативный) стиль политического мышления. Как известно, этнократия представляет

собой систему, которая распределяет политическую власть на основе сугубо этнических целеполаганий и поэтому поддерживается преимущественно на этнических традициях.

После завершения военно-политического конфликта на Северном Кавказе (первая и вторая чеченские кампании) данный регион переживает период относительного социально-экономического и политического спокойствия и стабилизации. Однако это не означает, что из региона автоматически ушли все проблемы. Острые фазы их развития, быть может, и нет, но сами проблемы никуда не делись, а лишь были загнаны на периферию, вытеснены из повестки дня. Известно, что в полигэтнических регионах Северного Кавказа этнополитическая стратификация является ведущим фактором политico-административной элиты, ее позиционных отношений и связей с федеральным центром. И проблемы этнократии федеральным властям придется еще решать и решать в русле интеграции местных элит в культурные и политические структуры России. Автор приводит высказывание экспертов о том, что на современном этапе местным политическим элитам Северного Кавказа предстоит серьезная корректировка своей деятельности в связи с набравшей силу центральной властью и контролем над финансово-выми дотациями из центра.

В 2000–2010 гг. на Северном Кавказе фактически сложилась региональная монопартийная политическая система. В республиках Северного Кавказа «Единая Россия» неизменно имела свыше 90% поддержки. «Кавказские результаты «Единой России» оказались такими заоблачными еще и потому, что там почти нет других партий». Автор приводит мнение А.А. Вартумяна, который утверждает, что «политические элиты на уровне регионов не представляют собой однородной по социальному статусу и функциям группы. ...Публично-властные «команды» вокруг глав регионов обеспечивают юридическое оформление политических решений и легитимируют их. Властные «команды» выступают в качестве посредников между федеральными элитами и бизнес-группами регионов, всё более превращаясь в зависимых партнеров корпоративных структур. Крупные бизнес-группы обеспечивают экономические ресурсы всего сообщества элит, поддерживают его устойчивость, а часто и определяют состав формально-юридических глав регионов (президентов, губернаторов). Партии, общественные движения и СМИ обслуживают интересы административных и экономических групп элиты. Организованная преступность является самым «мобильным силовым институтом» политики элит.

Она осуществляет распределение зон политического влияния, влияет на персональную принадлежность власти».

Залогом успешного развития регионов является качественная подготовка профессиональной элиты, осознающей свой политический статус, многоаспектность и сложность решаемых задач. Однако большая часть политico-административных элит предполагает получать высшее образование в университетах федерального уровня и за рубежом. Местные университетские сообщества еще не настолько сильны, чтобы предлагать качественное профессиональное образование. Поэтому для решения кадровой проблемы региональных элит властям следует, по мнению автора, в первую очередь уделять больше внимания и выделять больше средств на развитие региональной системы профессионального образования. Следует помнить, что регион Северного Кавказа требует от центральных властей постоянного, а не фрагментарного внимания.

Анализируя особенности этнополитических конфликтов, автор выделяет проблему клановых разборок и коррупционной деятельности местных чиновников, которые серьезно подрывают авторитет верховной власти в регионе. Северный Кавказ и в советское время не отличался спокойной обстановкой. В «лихие» 1990-е годы именно отсюда распространялись по России коррупция, криминал и терроризм. Ситуацию удалось переломить в 2000-е годы, но до конца изжить эти явления федеральному центру не удается по целому ряду политических и экономических причин. Региональные элиты оказываются беспомощными в решении острых социально-экономических проблем, в первую очередь проблем безработицы (особенно среди молодежи), коррупции (особенно среди чиновниччьего аппарата) и криминала (особенно в сфере теневой экономики). Деятельность некоторых коррупционеров из числа высокопоставленных чиновников наносит значительный моральный вред авторитету России в этом регионе. Местные власти порой сами дискредитируют себя непродуманными действиями. Специалисты указывают, что «не родственные связи и отношения, а социальная конкуренция патронов кланов за власть и ресурсы порождают местные проблемы и, в частности, проблемы в судебных органах. Несоблюдение легальных прав граждан, возможно, заключается также не только в использовании каких-то “традиций” в ходе судебного разбирательства, а в полном отсутствии судебного контроля и наличии закулисного контроля над деятельностью “независимых” судов».

Автор отмечает, что в республиках Северного Кавказа постоянно нарастает роль контрэлит, которые руководят внутриэтническими кланами и территориальными экономическими группировками, а также многочисленными религиозными сообществами. Этнополитические элиты региона Северного Кавказа, по мнению экспертов, «представляют собой этнически гомогенную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших стратегических решений, обладающую необходимым ресурсным потенциалом и лоббирующую интересы этнической группы во властных отношениях. Формирование этнополитических элит региона обусловлено историко-культурным контекстом, который определяет их теневизацию, традиционализацию и этнанизацию. Этнополитические элиты Северного Кавказа сохраняют авторитарные традиции и ценности политического управления. Клановая принадлежность, этническое происхождение, протекционизм, клиентелизм, патернализм сохраняются в качестве базовых каналов рекрутования элит, определяя специфику элитогенеза».

Российская политическая наука давно пришла к выводу о том, что конфликты в республиках Северного Кавказа носят, как правило, многосоставной и блоковый характер. Они также могут носить характер многосторонних, долгосрочных конфликтов не только конкретных групповых интересов, но и фундаментальных мировоззренческих ценностей. Причины, порождающие конфликты в республиках Северного Кавказа, подразделяются на экономические; социально-стратификационные; политические; этнополитические и историко-культурные; межконфессиональные и конфликты поиска идентичности. Потенциал этнополитических элит в стабилизации политической ситуации на Северном Кавказе недостаточно активно реализовывается. Во многом это объясняется отсутствием стратегии регуляции политических элит в регионе со стороны федеральных элит.

В заключение автор приходит к выводу о том, что для того, чтобы эффективно управлять этим регионом, необходимо знать не только его нынешнее социально-экономическое и политическое состояние, но также детально разбираться в вопросах истории, культуры и традиции проживающих здесь народов.

Сченснович В.Н.,

научный сотрудник ИНИОН РАН

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С КИРГИЗИЕЙ,

КАЗАХСТАНОМ, ТАДЖИКИСТАНОМ,

УЗБЕКИСТАНОМ В РАМКАХ ШОС И ЕАЭС

(Обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.02

Аннотация. В обзоре отражены актуальные аспекты взаимодействия государств – членов ШОС в политике, экономике, в сфере науки и образования. Особое значение придается цифровизации, молодежным проектам, деятельности международных информационных и научных центров, влияющих на интеграционные процессы в евразийском пространстве, научно-образовательному сотрудничеству вузов.

Ключевые слова: ШОС; Центрально-Азиатский регион, ЕАЭС; Евразийская интеграция; Бишкекская декларация (2019); Россия; Киргизия; Казахстан; Узбекистан; Таджикистан; Китай; Индия; Пакистан; научно-образовательное сотрудничество вузов.

Введение

Современный мир стремительно меняется, перераспределяется глобальный баланс сил, прежде всего, за счет становления новых центров развития в Азии, углубляется взаимосвязанность и взаимозависимость между странами. Вместе с тем ситуация в глобальной политике и экономике остается турбулентной и напряженной, процесс экономической глобализации сталкивается с ростом односторонних протекционистских мер и других вызовов в международной торговле. ШОС выступает в качестве надежной платформы для плодотворного сотрудничества в интересах формирования поликентричного миропорядка, обеспечивающего верховенство международного права, прежде всего Устава ООН, равную совместную безопасность, реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., уважение самостоятельного выбора народами своего политического и социально-экономического пути.

Бишкекская декларация Совета глав государств – членов ШОС (2019)

Государства – члены ШОС подчеркивают важность инициативы продвигать взаимодействие в построении международных отношений нового типа, основанных на нормах международного права и взаимовыгодного сотрудничества. Опираясь на Стратегию развития ШОС до 2025 г., члены ШОС намерены развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей.

В декларации подчеркнуто, что особого внимания, тесной координации и конструктивного взаимодействия мирового сообщества требуют возрастающие и приобретающие трансграничный характер вызовы и угрозы безопасности – терроризм, распространение террористической и экстремистской идеологии, в том числе в Интернете. Международное сообщество призвано укреплять глобальное сотрудничество в борьбе с терроризмом при центральной роли ООН, в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права, без политизации и двойных стандартов, уважая суверенитет и независимость всех стран. Страны – члены ШОС осуждают любые формы пропаганды идеологии терроризма. Члены ШОС констатируют важность сохранения космического пространства свободным от оружия любого вида и первостепенное значение соблюдения действующего нормативно-правового режима, предусматривающего мирное использование космоса. Они выступают также за строгое соблюдение Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и химического оружия. Одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности и стабильности на пространстве ШОС является скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане. Государства – члены ШОС поддерживают усилия правительства и народа этой страны, направленные на восстановление мира, экономическое развитие, противостояние терроризму, экстремизму и наркокриминальности. Они подчеркивают безальтернативность урегулирования конфликта в Афганистане путем политического диалога и осуществления инклюзивного мирного процесса самими афганцами, призывают к наращиванию сотрудничества всех заинтересованных государств и международных организаций при центральной координирующей роли ООН.

Важное значение придается дальнейшему взаимодействию в различных многосторонних форматах.

Подтверждена общая позиция о безальтернативности урегулирования ситуации в Сирии путем диалога на основе обеспечения суверенитета, независимости и территориальной целостности этой страны. Подчеркнута важность продолжения международных усилий по оказанию помощи Сирии в деле постконфликтного восстановления страны.

Государства – члены ШОС высказались за необходимость совершенствования архитектуры глобального экономического управления, расширения взаимодействия в целях обеспечения предсказуемых и стабильных условий для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, укрепления многосторонней торговой системы, основанной на правилах Всемирной торговой организации (ВТО). Они подчеркнули важность углубления взаимодействия в целях решения задач по совместному формированию мировой экономики открытого типа, укреплению транспарентной, недискриминационной многосторонней торговой системы, недопущению протекционистских действий в международной и региональной торговле.

Страны – члены ШОС поддерживают инициативу Китая «Один пояс – один путь» и текущую работу по совместному осуществлению этого проекта, в том числе усилия по сопряжению строительства ЕАЭС и ОПОП. Государства – члены ШОС считают первостепенной задачей повышение благосостояния и уровня жизни населения путем укрепления сотрудничества в торговой, производственной, транспортной, энергетической, финансовой, инвестиционной, сельскохозяйственной, телекоммуникационной, инновационной и других представляющих взаимный интерес сферах. Они нацелены на содействие формированию благоприятных условий для развития торгово-экономической и инвестиционной деятельности на пространстве ШОС. В этой связи будет продолжена подготовка проекта Дорожной карты по увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах между государствами – членами ШОС.

Сотрудничество в сфере науки и образования

М.С. Казаков [3] рассматривает механизмы международного научного сотрудничества на пространстве ШОС. Проводится анализ направлений взаимодействия. Предлагаются возможные пути активизации контактов в данной сфере между молодыми учеными

стран ШОС. Складывающаяся международная конъюнктура в ХХI в. свидетельствует о повышении роли региональных международных организаций в преодолении вызовов в политической и экономической сферах, а также в решении вопросов региональной безопасности. В качестве предпосылок такого рода тенденции выступают расширяющиеся международные связи в эпоху глобализации и взаимодополняемость экономик стран-участниц. Такие организации, как ШОС, объединяют самые крупные развивающиеся страны с наиболее высокими показателями экономического роста, где проживает почти половина населения земного шара. После решений саммита глав государств в Астане, которые утвердили принятие в члены ШОС Республики Индии и Исламской Республики Пакистан (2017), заметно увеличился не только экономический потенциал организации и усилился ее политический авторитет на международной арене, но и произошло выгодное расширение вектора сотрудничества от Центральной Азии до Южной Азии.

В настоящее время восемь стран являются государствами – членами ШОС: Республика Индия, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Киргизская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан. Четыре страны имеют статус государства-наблюдателя при ШОС и шесть стран являются партнерами по диалогу. Территория ШОС (с учетом стран-наблюдателей) составляет 37,53 млн кв. км, что в процентном соотношении составляет порядка 61% Евразийского материка.

ШОС, как правопреемница «Шанхайской пятерки», сохранила ее основные цели и направления сотрудничества. ШОС никогда не позиционировала себя как организация, претендующая на роль военного блока либо альянса, аналогичного НАТО. Государства-участники придерживаются задачи совершенствования ШОС как многопрофильной региональной организации, не предусматривающей формирования военно-политического союза или экономического интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления. Наряду с обсуждением и решением вопросов политического, экономического характера, а также преодоления вызовов в сфере обеспечения безопасности члены ШОС стремятся к созданию благоприятных условий для развития связей в области науки и техники, образования и культуры. В настоящее время модернизируются механизмы сотрудничества стран в рамках функционирования Университета ШОС, который объединяет более 70 ведущих вузов государств ШОС. Сетевые

университеты доказали свою эффективность, а создание аналогичной структуры в рамках региональной организации на пространстве Центральной и Южной Азии видится закономерным процессом развития образовательных связей. В 2016 г. Соглашение об учреждении Университета Шанхайской организации сотрудничества определило основные направления функционирования УШОС и структуру органов управления сетевым университетом, на базе которого готовят специалистов по направлениям: «Регионоведение», «Экология», «Энергетика», «ИТ-технологии», «Нанотехнологии», «Педагогика» и «Экономика». Выпускники станут носителями и проводниками основных ценностей ШОС и «шанхайского духа», что в долгосрочной перспективе будет способствовать эффективному взаимодействию между странами и налаживанию межкультурной коммуникации.

Потенциал сотрудничества между странами ШОС в научной сфере заслуживает особого внимания. Лидерами по расходам на исследования и разработки являются Китай и Россия. О потенциале сотрудничества между государствами ШОС наглядно свидетельствует количество исследователей от общего персонала, занятого научной деятельностью в каждой из стран и НИИ, которые могут быть вовлечены в международную научную деятельность на пространстве организации. Руководство стран осознает, что в XXI в. лидирующие позиции в показателях инновационного развития и внедрения НИОКР позволят не только поддерживать темпы роста национальных экономик, но и содействовать конкурентоспособности на мировом рынке. В связи с этим правительствами государств реализуются меры, направленные на всестороннюю поддержку научной деятельности и поддержку ученых. Вместе с тем, замечает М. Казаков, анализ механизмов научного сотрудничества на пространстве ШОС указывает на отсутствие регулярной научной платформы для молодых ученых. В связи с этим исследователь считает закономерной инициативу об учреждении Форума молодых ученых стран ШОС.

Контакты с международными организациями

Директор Института проблем безопасности СНГ Н.В. Ступаков [4], рассматривая цивилизационные задачи проекта «Большая Евразия», отмечает особенности экономических и политических условий формирования общих межгосударственных институтов. Международные организации ЕАЭС, ШОС и БРИКС становятся

локомотивами исторического процесса развития «незападных» цивилизаций, предлагая альтернативный проект евразийской глобализации без лидирующей роли англосаксонского мира. Сегодня идут процессы создания интеграционных, институциональных основ евразийского сотрудничества, вызванные формированием многополярного мира. Президентом РФ В.В. Путиным на саммите в Астане (2016) была сформулирована идея создания Большого Евразийского Партнерства с участием ЕАЭС, а также Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ, которая к началу 2019 г. стала реальным стержнем для политического союза евразийских государств. Особо актуальны для «Большой Евразии» Евразийские экономические проекты Нового морского Северного пути и Нового шёлкового пути, которые оцениваются как исторические международные факторы «великого переселения народов». Подобные мегапроекты, включающие территории значительного числа стран Европы и Азии, становятся идейной основой современного стратегического планирования инфраструктурных инвестиций, что сопровождается созданием международных финансовых институтов по кредитованию таких проектов и фондов валютных резервов. К ним относятся Банк развития ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций экономического проекта Нового шёлкового пути.

Политическое сотрудничество в рамках «Большой Евразии» обусловлено необходимостью противостоять внешним военным угрозам со стороны блока НАТО. США и Великобритания считают евразийское пространство зоной своего глобального политического и экономического влияния, поэтому «Большая Евразия» – всеобъемлющее партнерство евразийских государств – рассматривается как новый политический механизм противодействия угрозам современного мира. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в выступлении в Мюнхене (2019) продемонстрировал, что процесс формирования единого евразийского экономического пространства идет в рамках сотрудничества ЕАЭС – ОПОП («Один пояс – один путь»), а также посредством расширения контактов ЕАЭС, ШОС, АСЕАН.

В то же время под давлением США Европейский союз устремляется от евразийских механизмов взаимовыгодного сотрудничества с Россией и другими странами. Понимание генезиса отношений РФ и ЕС показывает, что развитие взаимовыгодного сотрудничества остается важнейшей задачей стратегического партнерства. Ведь надежная и устойчивая система, гарантирующая

усиление конкурентоспособности экономик России и ЕС, тесно связана с проектом «Большая Евразия», в котором ЕС может выступить одним из стратегических инвесторов.

Интерес России, по мысли исследователя, состоит в создании единого пространства «Большой Евразии», в котором РФ и страны ЕАЭС должны играть ключевую роль. Однако для этого потребуются сложные этапы построения такой архитектуры, которая сейчас больше рассматривается как политическая парадигма. Кроме того, интеграционные параметры сотрудничества могут ограничить потенциал реализации собственной выгоды конкретного государства-участника, поскольку существование различных интеграционных сообществ, входящих в «Большую Евразию», может осложнить процесс согласования государствами взаимовыгодных условий на длительную перспективу.

Доктор экономических наук, профессор В.И. Аникин [1] (Дипломатическая академия МИД РФ), анализируя развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве, дает оценку роли России в многостороннем взаимодействии стран в рамках СНГ. Автором представлены предложения по концептуальным основам формирования единого экономического, финансового и информационного пространства СНГ и ЕАЭС, стратегическим направлениям интеграционного взаимодействия стран в мировом сообществе.

Современной угрозой, влияющей на международную безопасность и сопровождающейся серьезными политическими рисками, возникающими на мировом уровне, оказывается крупномасштабное воздействие на процессы мировой экономики. Как подчеркивает исследователь, для России важно найти оптимальный формат межгосударственного глобального взаимодействия.

Выдвинутая Россией в 2016 г. концепция «Большой Евразии» предполагает ряд связующих звеньев на пространстве Евразийского континента – между ЕАЭС и ЕС, между ЕАЭС и крупнейшими странами Евразии (Китай, Индия) и между ЕАЭС и АСЕАН. Данный проект, на взгляд исследователя, может рассматриваться как один из вариантов создания Россией собственной платформы для интеграции в мировую экономику. Одной из платформ может стать инициатива по взаимодействию всех региональных интеграционных группировок стран БРИКС между собой. В части реализации использования положительного опыта в интеграционных объединениях, по убеждению автора, заслуживает внимания инициативная деятельность России в АТЭС.

Заключение

В Бишкекской декларации 2019 г. выработаны основные принципы взаимодействия стран – участниц ШОС. Поддержаны инициативы по укреплению регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центрально-Азиатском регионе. В декларации подчеркнуто, что особого внимания и конструктивного взаимодействия мирового сообщества требуют приобретающие трансграничный характер вызовы и угрозы безопасности – терроризм, распространение террористической и экстремистской идеологии, в том числе в Интернете. С учетом возрастающих вызовов безопасности акцентирована необходимость продолжения работы по созданию в рамках ШОС системы мониторинга возможных угроз в глобальном информационном пространстве и противодействию им.

Осуждая пропаганду идеологии терроризма, экстремизма и религиозной нетерпимости, проявлений дискриминации по признаку религии или убеждений, страны ШОС приветствуют принятие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность». Они считают важным наращивание совместных усилий международного сообщества по противодействию попыткам вовлечения молодежи в деятельность террористических, сепаратистских и экстремистских группировок.

Государства – члены ШОС высказались за необходимость расширения взаимодействия в целях обеспечения предсказуемых и стабильных условий для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, укрепления многосторонней торговой системы, основанной на правилах ВТО. Они подчеркнули важность формирования мировой экономики открытого типа, недопущения протекционистских действий в международной и региональной торговле.

Признавая важность инноваций и цифровой экономики, страны Содружества опираются на утвержденную Концепцию сотрудничества государств – членов ШОС в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий, они намерены объединить усилия для реализации инновационных программ и проектов, а также содействовать сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций. Государства ШОС считают необходимым поддерживать связи в научной, технической, культурной, гуманистической сферах, что будет способствовать укреплению сотрудничества. Подчеркнута важность углубления сотрудничества в области

образования. В настоящее время активно модернируются механизмы и расширяются направления сотрудничества стран в рамках функционирования Университета ШОС, который объединяет более 70 ведущих вузов государств ШОС.

Сегодня идут процессы создания интеграционных, институциональных основ евразийского сотрудничества, вызванные формированием многополярного мира. Международные организации ЕАЭС, ШОС и БРИКС предлагают мегапроекты, включающие территории значительного числа стран Европы и Азии («Большая Евразия») и становятся основой современного стратегического планирования инфраструктурных инвестиций, что сопровождается созданием международных финансовых институтов по кредитованию таких проектов. Необходимо обеспечивать координацию действий на международных площадках – АТЭС, ВТО, ШОС, Большой двадцатки с использованием положительного опыта.

Литература

1. Аникин В.И. О процессах и форматах экономического межгосударственного взаимодействия в контексте глобальной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 44–57.
2. Бишкекская декларация Совета глав государств – членов ШОС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2 (28). С. 13–20.
3. Казаков М.С. Международное научное сотрудничество на пространстве ШОС: перспективы и механизмы развития // Актуальные проблемы востоковедения. Материалы IX Международной научно-практич. конф. по востоковедению. Хабаровск, 2020. С. 57–64.
4. Ступаков Н.В. Общность цивилизационных задач Большой Евразии как основа политического партнерства, безопасности и защиты интересов евразийских государств // Глобальное и региональное евразийское сотрудничество: форматы взаимодействия, проблемы и возможные пути их решения в контексте обеспечения безопасности государств и защиты интересов государств – участников СНГ. 2019. С. 18–27.

*Обзор написан специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

2020.04.003. **Дмитриева Е.Л.**

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(Сводный реферат)**

1. Гарбузарова Е.Г. Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 1. С. 63–72.

2. Орлова Е.Р., Коваль О.Г. Туркменистан и Россия как конкуренты в части энергетического экспорта в КНР // Теория и практика экономики и предпринимательства. Материалы XVII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. КФУ им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2020. С. 66–67.

3. Муратишина К.Г. Институты гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Туркменистаном // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 245–252.

Ключевые слова: Россия; Туркменистан; сотрудничество; региональная безопасность; углеводороды; энергетический экспорт; оружейный импорт; гуманитарное сотрудничество; культурные обмены.

Е.Г. Гарбузарова [1], анализируя состояние российско-туркменских отношений, отмечает их активизацию в последнее время, которая обусловлена возвратом российского «Газпрома» на энергетический рынок Туркменистана в 2019 г. До этого момента российско-туркменское сотрудничество носило ограниченный характер по причине нейтрального статуса Туркменистана на международной арене, а также из-за бездействия России на постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого века в силу своих внутренних политических проблем. Туркменистан, получив в 1995 г. статус нейтрального государства, стремился дистанцироваться от России и избегал любых форматов многостороннего взаимодействия.

Устойчивое экономическое развитие Туркменистана напрямую зависит от экспорта углеводородов, поэтому Туркменистан старается диверсифицировать маршруты транспортировки углеводородных ресурсов. С момента обретения независимости власти Туркменистана старались несколько завысить данные по запасам углеводородных ресурсов с целью привлечь иностранный капитал к разработке нефтегазовых месторождений. Страна занимает четвертое место в мире по запасам газа после России, Ирана и Катара

и активно реализует проекты, предлагаемые Европейским союзом, Китаем и Ираном. Автор отмечает, что Россия является одним из транзитеров туркменских углеводородов. В 2003 г. было заключено соглашение между Россией и Туркменистаном, предусматривающее поставки газа в Россию в течение 25 лет.

Остановившись на истории взаимоотношений двух стран, автор напоминает, что их сотрудничество в газовой сфере было далеко не безоблачным. Чрезмерная активность США и ЕС в Прикаспийском регионе вынуждала Россию разрабатывать новые проекты сотрудничества с Туркменистаном в энергетической сфере, которые позволяли бы укрепить позиции России на Каспии. Таким проектом стал Прикаспийский газопровод, однако боязнь оказаться в сильной зависимости от России подтолкнула власти Туркменистана пересмотреть свои планы по данному проекту и исключить в нем участие российского «Газпрома». В 2009–2010 гг. Россия приняла решение снизить закупки туркменского газа, а потом и приостановить его импорт более чем на полгода. Постепенно снижая закупки туркменского газа, в 2016 г. российский «Газпром» принял решение вообще отказаться от импорта газа из Туркменистана. Разногласия касались цен на газ, договориться о которых две стороны так и не смогли. В ответ на это власти Туркменистана стали активно развивать нефтегазовое сотрудничество с Китаем и Ираном.

Официальный визит Президента России в Туркменистан в 2017 г. ознаменовал начало нового этапа в сотрудничестве двух государств. В ходе визита обсуждались не только вопросы экономического сотрудничества между двумя странами, но и проблемы региональной безопасности, связанные с напряженной ситуацией в Афганистане. По мнению автора, Ашхабад рассматривает Россию скорее как фактор своего экономического развития и не заинтересован в развитии военно-политического сотрудничества с Россией. Власти Туркменистана пока самостоятельно справляются с возникающей напряженностью на туркменско-афганской границе. Для Москвы же обеспечение безопасности в Центральной Азии является приоритетной задачей.

Неожиданным стало предложение президента Туркменистана, адресованное России, принять участие в строительстве магистрального трубопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Ранее Россия неоднократно выражала готовность принять участие в проекте, однако ее предложения не находили поддержки у участников проекта. Это объясняется геополитическим

характером проекта, продвигаемого США с целью ограничить влияние России в Центральной Азии. Присоединение России к проекту ТАПИ могло бы решить для России сразу две задачи: во-первых, усилить ее роль в обеспечении региональной безопасности, во-вторых, повысить ее влияние в регионе. Однако есть другой газовый проект, который идет вразрез с интересами России в Прикаспийском регионе и в Центральной Азии. Речь идет о проекте Транскаспийского газопровода (ТКГП) из Туркменистана в Азербайджан, планы по реализации которого уже насчитывают не одно десятилетие, но в последнее время вновь стал подниматься вопрос о его строительстве. США и ЕС, лоббируя данный проект, преследуют важные geopolитические интересы в регионе и предлагают прикаспийским государствам варианты, имеющие антироссийскую окраску. Активизация деятельности стран Запада в Прикаспийском регионе стала причиной возврата «Газпрома» к покупке туркменского газа.

Если в первые годы своей независимости Туркменистан стремился к диверсификации газовых маршрутов в направлении ЕС и Китая, минуя Россию, то на современном этапе Ашхабад начинает рассматривать Россию в качестве альтернативы, в первую очередь, Китаю, который, по сути, стал основным экспортёром туркменского газа. Китай до настоящего времени не проявлял активности в строительстве четвертой нитки газопровода Центральная Азия – Китай. Интересно, что действующая трубопроводная магистраль Туркменистан – Китай по своей мощности рассчитана на 55 млрд куб. м газа, а заполняется всего на 36 млрд куб. м.

Автор полагает, что решение «Газпрома» о возобновлении поставок туркменского газа в Россию скорее связано с интересами обеспечения безопасности в регионе, нежели с желанием закупать туркменский газ. На данный момент власти Туркменистана не спешат взаимодействовать по вопросам укрепления региональной безопасности с Россией, полагаясь на свою собственную военную силу. Но ситуация на границе с Афганистаном диктует России необходимость усиления ее военно-политического влияния в Центральной Азии. И Россия, и Туркменистан заинтересованы в своевременном реагировании на дестабилизацию ситуации на афгано-туркменской границе. Россия имеет опыт практической борьбы с террористами на Ближнем Востоке, а у Туркменистана такого опыта ведения войны против радикальных экстремистов и террористов нет. Если во времена президентства С. Ниязова удалось заключить пакт с талибами о ненападении и добиться снижения

напряженности на афгано-туркменской границе, то в настоящее время реализация такого сценария развития событий исключена. На данный же момент власти Туркменистана пока отказывают России в военном сотрудничестве, ограничиваясь лишь закупкой военной техники, и склоняются в сторону военного сближения с Узбекистаном.

Автор ссылается на мнение экспертов, которые говорят об отсутствии у России потребностей в приобретении газа у Туркменистана из-за проблем с его окупаемостью. Кроме того, раньше туркменский газ поставлялся на Украину, но в последние годы такие поставки были приостановлены. Поэтому причины возобновления импорта туркменского газа Россией носят политический характер с целью получения внешнеэкономических и внешнеполитических уступок со стороны Туркменистана. Приоритетом внешней политики России в Туркменистане является недопущение прорыва туркменско-афганской границы, которая находится в состоянии перманентной нестабильности. Возобновляя покупки туркменского газа, Россия рассчитывает на лояльность со стороны туркменского руководства в вопросах безопасности, что подразумевает тесную координацию деятельности спецслужб, правоохранительных органов и постоянный обмен информацией.

Возвращение «Газпрома» в Туркменистан может решить две главные задачи для российской внешней политики в Центральной Азии: во-первых, блокируется возможность усиления позиций третьих стран в регионе, следовательно, неясной становится перспектива строительства Транскаспийского трубопровода; во-вторых, Россия получает шанс заполнить «Турецкий поток» туркменским газом, что, в свою очередь, снизит транспортные издержки и позволит перенаправить газ с месторождений Ямала и Западной Сибири на проекты «Северный поток-2» и «Балтийский СПГ».

Автор статьи отмечает, что Туркменистан по-прежнему дистанцируется от всех постсоветских интеграционных объединений, куда входит Россия, и только принимает участие в заседаниях СНГ, где статус Туркменистана по его же просьбе сведен до уровня ассоциированного члена.

Негативное воздействие на отношения между Россией и Туркменистаном оказывает и проблема двойного гражданства. Власти Туркменистана в 2008 г. приняли новую Конституцию, согласно которой гражданам Туркменистана запрещается иметь второе гражданство. Таким образом, русскоязычное население, имеющее как российское, так и туркменское гражданство, не при-

знается в республике. Такая ситуация позволяет властям Туркменистана оказывать давление на Россию в вопросах о будущем признании лиц с двойным гражданством.

Туркменистан заинтересован в установлении внешнеэкономических связей с субъектами России. В центре экономических интересов Туркменистана – развитие сотрудничества с Татарстаном, Челябинской, Свердловской, Астраханской, Костромской, Псковской, Саратовской и другими областями. Ашхабад проявляет значительный интерес к новым технологиям по добыче и переработке нефти и газа. С этой целью нынешний президент Туркменистана Г. Бердымухамедов в июне 2019 г. прибыл с рабочим визитом в Татарстан, где ознакомился с новыми технологиями в сфере нефтедобычи и нефтепереработки.

В настоящее время Туркменистан, как и прежде, верен своей политике многовекторности и балансирует между мировыми влиятельными центрами силы. Имеющийся уровень доверия между Россией и Туркменистаном препятствует реализации всего имеющегося потенциала возможностей.

Е.А. Орлова и О.Г. Коваль [2] в своей работе затрагивают проблему возможной конкуренции для России со стороны Туркменистана в области снабжения азиатских стран и, в первую очередь Китая, энергоресурсами. Авторы считают, что нельзя недооценивать экспортный нефтегазовый потенциал Туркменистана. Это становится особенно актуальным в связи со строительством газопровода «Сила Сибири», нацеленного на возрастающий экспорт газа в Китай.

Исследователи ссылаются на данные экспертов о том, что в последнее время Китай все активнее развивает военно-техническое сотрудничество со странами – традиционными партнерами России в этой сфере и, прежде всего, со странами Центральной Азии. Что касается Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, то импорт вооружения в эти страны не очень высок, да и расплачиваются они продукцией, не представляющей для России большого интереса. Другое дело – Туркменистан, который платит за импорт оружия газом.

В своей статье авторы приводят статистические данные о внешней торговле Туркменистана. Так, например, на сегодняшний день 36% оружейного импорта Туркменистана обеспечивается Турцией, 27 – Китаем, на российский сегмент импорта вооружений приходится только 20% от общего объема. Закупка вооружений у Китая осуществляется в основном за счет выручки от газовых

контрактов с Пекином, который является основным импортером туркменского газа. Такое сотрудничество с Пекином, по планам Ашхабада, предполагает наращивание добычи и экспорта газа (к 2030 г. до 250 млрд куб. м и до 180 млрд куб. м в год соответственно). Правда, несмотря на то что в настоящее время около 90% туркменского газа поставляется именно в Китай, по официальным данным, эти объемы в 2017 г. едва превысили 30 млрд куб. м. В 2018 г. Туркмения была на 1-м месте по поставкам газа в Китай (33,8 млрд куб. м), 2-е место занимала Австралия (23,6 млрд куб. м) и 3-е – Катар (10,3 млрд куб. м).

Анализируя товарную структуру экспорта Туркменистана в 2018 г., авторы отмечают, что почти 80% экспорта страны приходится на продукцию топливно-энергетического комплекса и в первую очередь газ. Трудно ожидать, что какие-либо отрасли могут существенно изменить структуру экономики, хотя в последнее время довольно много говорится о развитии туризма в стране.

Что касается экспорта топливно-энергетических ресурсов России, то в 2019 г. экспорт нефти составил 267,5 млн т. Основными направлениями поставок нефти являлись Китай (69,6 млн т – 26%), Нидерланды, Турция (8,2 млн т – 3%). Экспорт нефтепродуктов в Турцию составил 8 млн т, а в Китай – 7,9 млн т. На экспорт природного газа по трубопроводам пришлось в 2019 г. 219,9 млрд куб. м, из которых в Турцию поступило 15,1 куб. м. В Китайскую Народную Республику газ по трубопроводам из России в это время не поставлялся. Но небольшие объемы сжиженного газа в Китай поставлялись (1,79 млн т в 2019 г.). Планируется, что к 2024 г. по газопроводу «Сила Сибири» будет поступать в КНР до 38 млрд куб. м природного газа. Китай станет вторым по объему потребителем российского газа в мире после Германии, которая в 2018 г. экспортировала из России 58,5 млрд куб. м газа, обогнав занимающих сейчас 2-е и 3-е места Турцию (24 млрд куб. м) и Италию (22,8 млрд куб. м). Как видно из вышесказанного, несмотря на провозглашаемую политику диверсификации, в планы России входит наращивание объемов экспорта энергоресурсов как нефти, так и газа. Поэтому, по мнению авторов статьи, имеет смысл внимательно проанализировать, насколько возможен данный сценарий и не возникнет ли при этом конфликт с Туркменистаном. Ведь в планы Туркменистана также входит наращивание мощностей по добыче и экспорту газа, в первую очередь именно в Китай. Туркменистан рассчитывает на газопровод ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) мощностью в 33 млрд куб. м в год.

Существуют также перспективы строительства Транскаспийского газопровода, предусматривающего транзит туркменских энергоснабжающих компаний в страны Евросоюза через Каспийское море и Закавказье, хотя в настоящее время Россия и Иран бойкотируют строительство трубопроводов по дну Каспийского моря.

К.А. Муратшина [3] затрагивает важную тему двустороннего сотрудничества между Россией и Туркменистаном, а именно – выявление институтов, через которые осуществляется взаимодействие между двумя странами в гуманитарной сфере. Автор показывает важность гуманитарного сотрудничества, к которому относятся связи в таких областях, как культура, наука, образование, работа с молодежью, спорт, туризм, информация и массовые коммуникации. Для изучения процессов сотрудничества и его развития важно знать институциональную структуру, которая может показать симметрию или асимметрию в отношениях между государствами, зрелость связей, содействовать аналитической работе и прогнозированию дальнейшего прогресса контактов.

Туркменистан известен своей закрытостью, а гуманитарная сфера – наименее изученная область отношений между Россией и Туркменистаном. К государственным институтам двустороннего гуманитарного сотрудничества в первую очередь относятся контакты на высшем уровне. Каждый год в рамках двусторонних контактов или «на полях» саммитов СНГ проходят встречи президентов и правительственные делегации двух стран. Стороны развиваются связи профильных организаций; так, в рамках сотрудничества министерств культуры осуществляются связи подведомственных им учреждений. Аналогично обстоит дело с научно-образовательным взаимодействием: подписаны документы о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и Туркменским государственным университетом им. Махтумкули, МГИМО МИД РФ и Институтом международных отношений МИД Туркменистана, Российским государственным университетом нефти и газа им. И.М. Губкина и Международным университетом нефти и газа в Туркменистане и т.д. Помимо высшего образования связи осуществляются на уровне системы среднего образования.

Россия также заинтересована в сотрудничестве в области туризма в Каспийском регионе, поэтому в последние годы переговоры по этому вопросу велись особенно интенсивно. Туркменское государство полностью контролирует туризм: есть фиксированный список компаний, осуществляющих туристические услуги, постоянное сопровождение зарубежных граждан и фиксированные

маршруты для тургрупп. По информации Ростуризма, одобрение туркменской стороны на осуществление совместных проектов было получено лишь в 2019 г., после чего договоренности обрели конкретные очертания.

Следующий институт взаимодействия – это дипломатические представительства: посольство РФ в Ашхабаде и консульский пункт в Туркменбаши, а также туркменские посольство и консульский отдел в Москве, консульства в Астрахани и Казани. Они становятся организаторами мероприятий в разных сферах гуманитарного взаимодействия.

Туркменистан – это единственная центральноазиатская страна, где нет сети российских культурных центров. Как заявил в 2012 г. глава Россотрудничества К. Косачев, туркменские власти препятствуют приходу агентства в страну. Новый руководитель ведомства Э. Митрофанова в 2018 г. отметила, что агентство вынуждено разрабатывать «особый формат культурно-информационной деятельности» в связи с позицией Туркменистана. Причина – политика «туркменизации», которую с нарастающей интенсивностью проводит Ашхабад: закрепляется преобладание национального языка, искусства – всего вплоть до одежды. Распространение культуры других стран туркменские власти допускают лишь очень дозированно, несмотря на то что Россия – ближайший сосед, с которым прожито много лет вместе.

В Россотрудничестве туркменская сторона видит проводника «мягкой силы», хотя его работа призвана способствовать не навязыванию, а взаимному узнаванию культур и более активным контактам между людьми соседних дружественных стран. Тем не менее туркменской стороной пока было разрешено лишь проведение отдельных проектов по линии Россотрудничества.

Автор также отмечает важность негосударственных институтов сотрудничества. Первый из них – диаспоры. В СМИ и научной литературе нет данных об активности организованных структур русской общины в Туркменистане. Это объясняется полным контролем туркменского государства над обществом и политикой «туркменизации». Есть свидетельства о фактическом запрете со стороны властей Туркменистана создания таких весомых общественных организаций и также попытках полностью контролировать свою диаспору в России. Данных о точной численности русской общины в Туркменистане нет, известно только, что она серьезно уменьшилась после введения туркменской стороной запрета на выезд граждан с двойным гражданством. Некоторые соотечест-

венники остались жить в Туркменистане, а их культурные практики порой являются средством представления и продвижения культуры России. Автором данной работы был проведен опрос нескольких десятков мигрантов и студентов из Туркменистана. Отвечая на вопрос: «В Туркменистане Вы каким-то образом встречались с культурой России?» – два человека указали, что наблюдали, как русские отмечают православные праздники. Основным же «каналом» соприкосновения с русской культурой, как показывает опрос, является изучение русского языка и литературы в школе. Объединения, созданные туркменской диаспорой в российских регионах, носят организованный характер, и в тех городах России, где есть туркменские диаспоры, проводятся праздники и мероприятия, посвященные туркменской культуре.

В заключение автор делает вывод, что в целом гуманитарная сфера российско-туркменского взаимодействия достаточно институционализирована. Большинство институтов – государственные. Объем возможностей прямых связей обществ стран пока невелик, сказывается закрытость Туркменистана. Если на государственном уровне присутствует симметрия (взаимодействие министерств, учреждений, подведомственных им, региональных органов власти), то на негосударственном наблюдается полная асимметрия в результате политики туркменской стороны, не дающей возможности общественным структурам дружественного соседнего государства вести активную деятельность на территории Туркменистана. Российская же сторона в полной мере выполняет принципы двусторонних связей, диктующие также необходимость гарантировать «свободное и равноправное развитие культур российского меньшинства, проживающего на территории Туркменистана, и туркменского меньшинства, проживающего на территории РФ». В структуре сотрудничества отсутствует ряд государственных и негосударственных институтов, типичных для других партнерств России с центральноазиатскими странами: в Туркменистане не разрешена деятельность подразделений Россотрудничества; нет прямых связей между молодежными объединениями и постоянного прямого взаимодействия организаций в сфере СМИ. Автор уверена, что России необходимо отстаивать идеи сохранения и расширения сложившихся за десятилетия связей.

Икромов Ш.И.,

докторант Координационно-методического
Центра по вопросам новейшей истории
Узбекистана при АН РУз

**РЕИСЛАМИЗАЦИЯ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ ХХ в.**

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.03

Аннотация. Автор описывает изменения в религиозной жизни мусульман бывших советских республик, происходившие в период 1989–1991 гг. Именно в это время республики посетила делегация представителей организации Исламская конференция во главе с шейхом Мухаммадом Насир Аль-Абуди. Текст подготовлен на основе дневниковых записей шейха, которые впоследствии были опубликованы на арабском языке и вызвали большой интерес в мусульманских странах.

Ключевые слова: ислам; мусульманские страны Советского Союза; Центральная Азия; делегации ОИС.

Введение

Политика перестройки в СССР оказала влияние на религиозную ситуацию в стране. Так, религиозные конфессии получили широкий путь к свободе вероисповедания. Это особенно отразилось на жизни мусульман Средней Азии, Азербайджана, Дагестана и Чечни. Увеличилось количество мечетей, расширились возможности религиозного образования, улучшились условия для реализации основных постулатов ислама, а также наладилось сотрудничество с зарубежными мусульманскими странами.

Подобные процессы еще больше активизировались после распада СССР. Это был естественный процесс, ведь Центральная Азия исторически была неотъемлемой частью исламского мира. Уже скоро эти новые независимые государства были признаны ведущими мусульманскими странами и в них начали возрождаться исламские традиции, которые долгие годы находилась в тени.

В арабской литературе процессы, связанные с исламом, рассматриваются как «реисламизация». За этими процессами в регионе с большим интересом следили арабские государства, в частности

Королевство Саудовская Аравия (КСА). Накануне крушения советского режима и в первые годы после него саудовцы направляли десятки миссионеров и специальных делегаций в Среднюю Азию и Азербайджан. Целью этих миссий было создание сферы влияния в Центрально-Азиатском регионе. Среди делегаций и миссионеров, прибывших из КСА, особое место занимают поездки шейха Мухаммада Насира Аль-Абуди, государственного и общественно-го деятеля, одного из ведущих ученых Королевства.

Шейх Мухаммад Насир Аль-Абуди

Шейх Мухаммад Насир Аль-Абуди – известный ученый. Он пользуется особым уважением среди арабского научного сообщества и королевской семьи Саудовской Аравии. Им написано более 220 работ по истории, географии, языку, литературе, генеалогии и политике. Особой популярностью пользуется один из классических жанров Аль-Абуди: путевые заметки, а число опубликованных в этом жанре работ составляет 125 произведений¹.

Шейх Аль-Абуди проработал в Организации исламского сотрудничества (ОИС) 11 лет. В качестве помощника генерального секретаря объездил мусульманские общини по всему миру. Его поездки проходили как по странам с крупнейшими мусульманскими общинами, так и по странам с небольшим числом мусульманского населения². Миссия Аль-Абуди заключалась не только в выполнении задач, поставленных ОИС, но и Королевством Саудовская Аравия.

В ОИС Аль-Абуди отвечал за анализ общей ситуации в странах с преобладающим мусульманским населением, включая условия, созданные для соблюдения принципов ислама мусульманами, сохранение исламского культурного наследия, обучение исламским знаниям, а также отношение власти к мусульманам. Ему также было поручено продвигать идею арабского и исламского единства. Аль-Абуди вносил в свой дневник всё, свидетелем чего он был во время своих поездок. Благодаря хорошему литературному стилю, обширным знаниям истории и географии посещаемых

¹ من هو محمد ناصر العبودي <https://www.arageek.com/bio/mohammed-naser-alabodi#biographyAbout-387503>

² د. محمد بن عبد الله المشوح. تجربة معايي الشیخ محمد بن ناصر العبودي في التعايش الحضاري <http://www.al-jazirah.com/2020/20200302/wo2.htm>

стран, а также сведениям, полученным от местных мусульман, ему удалось составить яркое описание происходящих процессов¹.

Путешествие по советским мусульманским республикам

В период работы в Секретариате ОИС Аль-Абуди получил задание ознакомиться с жизнью мусульман Восточного и Западного Туркестана (Китай и Советский Союз). В апреле 1989 г. Аль-Абуди во главе делегации из шести человек отправился в СССР для посещения мусульманских республик.

Поездка началась в Москве и далее делегация посетила республики, где мусульмане представлены большинством населения: Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию, Казахстан и Азербайджан, а также города Дагестана, Чечни, Астраханского и Самарского краев. Впоследствии впечатления от поездки были изданы в нескольких книжных вариантах. Наиболее ценными из них являются книги «Страна Дагестан», «Путешествие в Россию», «Азербайджанская Республика», «Дневник Средней Азии». Помимо этого, впечатления от поездки в Советский Союз легли в основу книг: «Ситуация в Казахстане», «Киргизстан», «Лазистан», «Страна черкесов», «Забытое мусульманское население», «Путешествие на Кавказ», «Астрахань и Самарская область», «Белоруссия» и многих других. Используя стиль, близкий к жанру классического трактата, автор стремился предоставить информацию об образе жизни и социальном статусе мусульман. Эти работы можно рассматривать, скорее, как антропологические и полевые исследования.

Первая поездка шейха Аль-Абуди в СССР состоялась в то время, когда мусульманский мир переживал тяжелые времена, а сам Советский Союз находился в кризисной ситуации, на грани раз渲ла. Более того, это был период гражданской войны в Афганистане и обострения ситуации на границах Средней Азии. Последующие поездки шейха проходили в то время, когда страны региона обрели независимость, переживали трудное время переходного периода и в них проходили бурные дебаты об исламском и светском просвещении в государстве, а исламские миссионеры и радикальные группировки, используя ситуацию, стали проявлять

¹ حمد بن محمد بن سليمان. رحلة العصر الشيخ محمد بن ناصر العبودي <http://www.al-jazirah.com/2020/20200302/wo2.htm>

активность. Противоречия того периода не в полной мере отражены в дневниках автора, зато подробно описан процесс раскрепощения общественного сознания и реисламизации населения советских республик с мусульманским населением.

«Земли забытых мусульман в Бухаре и Мавераннахре»

Первая поездка состоялась в 1989 г. Впечатления от этой поездки шейх Аль-Абуди описывает в книге «Земли забытых мусульман в Бухаре и Мавераннахре» (1991)¹. Он отмечает, что религия в СССР в политической жизни не имела значения и в основном сохранялась как специфическая черта культуры местного населения. Однако на рубеже 1970–1980 гг. религиозная ситуация в Союзе стала меняться, а к концу 1980-х годов приобрела совершенно новый формат. В Центрально-Азиатском регионе процесс реисламизации превратился в серьезную политическую проблему.

Бабикар Дарвиш, автор предисловия к книге, указывает на трудности, с которыми столкнулся шейх Аль-Абуди. Во-первых, СССР в указанный период был «закрытой» страной. Во-вторых, мусульмане говорили на разных языках – более чем на 15 тюркских, 13 кавказских языках, фарси, а в некоторых регионах и монгольском. Широко распространенный в мусульманском мире арабский использовался слабо, а русский использовался как язык межнационального общения. Еще одна сложность – это социокультурное разнообразие мусульман СССР. Например, таджики – в основном оседлый народ, а казахи во многом сохранили традиции кочевой жизни. Мусульмане на Кавказе имеют особую идентичность и представлены 43 племенами. В-третьих, все публикации в Советском Союзе, в том числе об исламе в мусульманских странах, подвергались цензуре и распространялись исключительно с ведома Москвы.

Статистические данные, полученные шейхом Аль-Абуди еще в Москве, свидетельствовали о том, что в описываемый период мусульмане составляли пятую часть всего населения СССР. Шейх Аль-Абуди особо отметил уникальность роли Средней Азии в истории ислама. Жители этого региона внесли значительный вклад в создание исламской цивилизации и ее фундаментальных основ. Среди них Мухамад Муса ал-Хорезми (783–857) – основоположник

¹ ص(274). في بلاد المسلمين المنسيين بخارى وما وراء النهر. الرياض. 1991محمد بن ناصر العبودي (

алгебры. Ахмад ал-Фергани (ск. в 861) – астроном, математик, географ, автор трудов «Книга о небесных движениях» и «Свод науки о звездах». Абу Насер ал-Фараби (872–950) – великий ученый-энциклопедист эпохи Средневековья. Абу Али ибн Сина (980–1037) – ученый, написавший более 450 произведений. Из них 40 – по медицине, 30 – по естествознанию, 185 – по философии, логике, психологии, геологии, этике и др. Абу Рейхан Беруни (973–1048) – выдающийся ученый-энциклопедист, автор более 150 трудов по истории, астрономии, минералогии. Рудаки Абдулла Джафар (858–941) – автор поэм «Камила и Димна», «Синбад-наме» и др. Абдулькасим Фирдоуси (940–1030) – автор поэмы «Шахнаме» (Книга о царях) – поэтический свод истории народов Ирана и Средней Азии. Имам Мухаммад ибн Исмаил ал-Бухари (810–870) собрал 600 тыс. хадисов из жизни пророка Мухаммада. Ахмад Яссави (ск. 1166/67 г.) – основатель ордена Яссавийа и тюркский поэт. Улугбек (Муххамад Тарагай) (1394–1449) создал астрономическую академию в Самарканде, которая принесла ему мировую славу. Его главный труд «Гурганские астрономические таблицы» (1437), в которых описывается положение 1018 звезд, отличаются высокой степенью точности. Алишер Навои (1441–1501) – основоположник узбекской поэзии. Нуриддин Абдуррахман Джами (1414–1492) – представитель персидско-таджикской литературы. Камалиддин Бехзад (1455–1536) – художник, которого называют Рафалем Востока.

До установления советской власти государственная и общественная жизнь в регионе регулировалась законами шариата. За годы советской власти религия была вытеснена не только из политической жизни государства, но и из повседневной жизни населения, а мусульмане региона были изолированы от всемирной мусульманской общины – уммы. Это обстоятельство заставило шейха Аль-Абуди называть мусульман среднеазиатских республик, которые являются наследниками исламской цивилизации, «забытыми мусульманами».

Аль-Абуди принял участие в заседании Управления мусульман Средней Азии и Казахстана. В 1989 г. в СССР функционировало более 300 мечетей, 82 из которых находились в Узбекистане, являвшемся одним из лидеров региона¹. Автор также описывает систему управления мусульманскими общинами в Советском Союзе. Делегация также посетила 15 крупных мечетей Ташкента.

¹ (61). مرجع سبق ذكره، ص، 1991 محمد بن ناصر العيدوي

При посещении мечетей Аль-Абуди всегда интересовался количеством прихожан, уровнем их образования, общим состоянием и историей мечетей. Он увидел, что многие мечети находились в ветхом состоянии, а посещающие мечеть – в большинстве пожилые люди и у них очень скучные знания в области религии. Так, Аль-Абуди отмечает, что свадьбы и похороны не проводятся согласно Сунне, и что практически все церемонии давно обрели светский облик.

После поездки в Ташкент делегация посетила также Самарканд, Бухару, Хиву, Ургенч, Туркмению, Таджикистан, а также ряд городов Ферганской долины. Характерно, что по итогам этой поездки Аль-Абуди, несмотря на замеченные им недостатки, отметил, что в мусульманских республиках СССР нет препятствий для проведения исламских обрядов и что ведутся работы по строительству мечетей и религиозных учебных заведений.

«Дневник путешествия по Центральной Азии»

Еще одна книга, основанная на впечатлениях от второй поездки Аль-Абуди в Среднюю Азию, которая состоялась в 1990 г., «Дневник путешествия по Центральной Азии», была издана в 1995 г. в Эр-Рияде. Эта книга также была представлена в жанре путешествий, где автор описывает жизнь мусульман союзных республик – Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана. В ней автор акцентировал внимание на деятельности мечетей, медресе и религиозных СМИ.

Интерес к жизни мусульман СССР в этот период значительно возрос. В начале 1990-х годов зарубежные ученые опубликовали ряд работ по религиозной ситуации в Средней Азии. В частности, появились работы Ш. Акинер¹, Адиба Халида² и Йохана Расанаягама³. В них говорится об исламе и секуляризме в регионе, отношениях между государством и обществом по вопросам религии, а также специфике, противоречиях и предполагаемых будущих

¹ Akiner, S. 1996. Islam, the State and Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective. *Religion, State and Society* 24. P. 91–132.

² Khalid, A. 2003. A Secular Islam: Nation, State, and Religion in Uzbekistan. *International Journal of Middle East Studies* 35. P. 573–598.

³ Rasanayagam, J. (2010). Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience (P. 281). Cambridge: Cambridge University Press.

угрозах. В частности, Йохан Расанаягам на основе антропологических методов изучил жизнь мусульман в Средней Азии, особенно в Узбекистане, интересовался степенью отражения ислама в сознании местного населения. Труд Аль-Абуди безусловно следует считать антропологическим исследованием, так как автор обращает свое внимание в большей степени на материальное наследие мусульман. Но работы других авторов тоже дают интересную информацию. Так, Й. Расанаягам с 1998 г. проживал в Андижанской области и смог в течение нескольких лет глубоко изучить уровень религиозности населения. На примере андижанцев он описывает изменения, которые произошли в сознании жителей Средней Азии в советское и постсоветское время.

Аль-Абуди вел наблюдения за верующими в мечетях, медресях и мавзолеях в городах, а также в местах, связанных с религиозными культурами и образованием.

В своей книге «Дневник Средней Азии», оценивая место региона в исламском мире, он отмечал следующее: «...прежде всего, этот регион является местом, где для мусульман были заложены фундаментальные основы ислама...», тем самым он признает его одним из ведущих звеньев исламского мира. Аль-Абуди дал высокую оценку работе Управления мусульман. Он упоминает об издании газеты «Ислом нури», о книгах, используемых для религиозного просвещения, в частности пособиях «Муаллими сони», «Религия ислам», «Мифтах Ал-Нахв» и «Исламская молитва». Аль-Абуди отметил большую заслугу главы Духовного управления шейха Мухаммад Садик Мухаммад Юсуфа в деле по переводу смыслов Корана и изданию многих других религиозных книг.

В целях развития религиозного образования в Средней Азии делегация посетила некоторые мусульманские высшие школы, в частности Исламский институт имама Термези в Душанбе (Таджикистан). Делегации была представлена информация о строительстве новых исламских институтов в Фергане и в Хорезме, а также о проекте исламского центра в Ташкенте. Делегация познакомилась с деятельностью Исламского института имени Имама Бухари в Ташкенте и медресе Мири Араб в Бухаре¹. О визите в ТИИ им. Имама Бухари Аль-Абуди написал следующее: «В институте обучается около 100 студентов, которые свободно владеют арабским языком. Сюда приезжают учиться из разных республик. Их обучают более пятнадцати учителей, большинство

¹ (3). يوميات آسيا الوسطى. الرياض. 1995 محمد بن ناصر العبودي.

из которых выпускники медресе Мири Араб»¹. После духовного управления он побывал в мечетях Ташкента и с сожалением констатировал, что мечети находились в плачевном состоянии, и их было очень мало, а действующие мечети были совсем старые. Но одновременно Аль-Абуди признает, что в последние годы начаты работы по строительству новых и ремонту старых мечетей. Таким образом, в результате ознакомления с дневником можно узнать о религиозном ландшафте Ташкента начала 1990-х годов, о взаимоотношениях общества, религии и государства. Аль-Абуди отметил, что многие имамы не знали арабского языка, а также малочисленность мусульман с религиозным образованием и недостаточность религиозной литературы.

Завершив визит в Ташкент, делегация Аль-Абуди продолжила поездку в Хорезм, Туркменистан, Таджикистан и Ферганскую долину. Аль-Абуди отметил, что даже в начале 1990-х годов Бухара потенциально могла бы стать центром ислама в Средней Азии, так как в городе было много мечетей и медресе. Посещение Ферганской долины убедило его в том, что религиозный имидж этого региона высок.

«Назад в Мавераннахр»

Так называлась книга шейха Аль-Абуди, написанная после его третьей поездки, состоявшейся в 1991 г. Мавераннахр – это старинное название исторической области в Центральной Азии. Название происходит от арабского выражения: «То, что за рекой». Название появилось во время арабского завоевания в VII–VIII вв. и первоначально означало область по правому берегу Амударьи. Именно в Мавераннахре находились важнейшие города исламского мира того периода – это цивилизационные и культурные центры, такие как Самарканд, Бухара, Худжанд и др. Ко времени поездки республики Средней Азии уже обрели независимость и начали проводить реформы во всех сферах жизни государства и общества. Трансформация социальной и политической сфер, прежде всего,

¹ Медресе Мири Араб – исламское образовательное, духовно-просветительское и мемориально-культурное сооружение XVI в. в Бухаре. В настоящее время в медресе обучаются более 100 слушателей, а также работают более 30 преподавателей, которые, наряду с теологическими дисциплинами (Коран, хадис, фикх, история ислама, арабский язык), преподают светские предметы (химию, биологию, физику, этику, риторику). (Комментарий редакции).

отразилась на процессах, связанных с исламом. Можно сказать, что от решения этого вопроса зависела как политическая судьба, так и социальная и этническая стабильность стран региона. Все мусульманские страны за рубежом внимательно наблюдали за историческими процессами в регионе и старались оказать как можно большее влияние на события. В особенности Саудовская Аравия, которая полагает себя центром мусульманского сообщества. Поэтому Королевство активно направляло исламских миссионеров в республики Средней Азии. Среди этих миссионеров была и группа Аль-Абуди, которая практически повторила маршрут первой поездки шейха. На этот раз он отмечает изменение политической ситуации в регионе и перемены в общественной жизни республик.

В частности, он упоминает о наличии в Узбекистане партий, одна из которых – «Партия исламского возрождения», являлась «религиозной партией»¹. Однако он не пишет о том, что деятельность партии была приостановлена – в тот момент из-за пропаганды ею идей фундаментализма. Анализируя политические и идеологические процессы в республиках региона, автор пишет: «В регионе идеи марксизма и ленинизма, которые доминировали в течение многих лет, заменяются исламскими идеями. Можно увидеть, что с каждым днем ислам динамично развивается в республиках региона, однако возвращение региона в мусульманскую семью под влиянием Запада является предметом дискуссий»². Многие мусульманские страны, такие как Саудовская Аравия, страны Персидского залива, Пакистан, Египет, а также Турция и Иран, поддержали процесс реисламизации в регионе. Автор утверждает, что возможности Ирана в этом отношении невелики,

¹ . العودة إلى ما وراء النهر رحلة في آسيا الوسطى وحديث عن 1996 محمد بن ناصر العبودي. (31 شؤون المسلمين).

Партия исламского возрождения Узбекистана не была зарегистрирована. Она просуществовала с 1990 по 1996 г. Выступала за превращение Республики Узбекистан в Исламскую республику, за принятие государственных законов на основе шариата. Партия была популярной среди консервативно настроенной и маргинальной части населения. К партии отрицательно относилось Духовное управление мусульман Узбекистана. Закон Республики Узбекистан от 14.06.1991 г. N 289-XII «О свободе совести и религиозных организациях» не допускает создания политических партий на религиозной основе. В этом законе установлено равноправие граждан независимо от их отношения к религии и отделение религии от государства. (Комментарий редакции).

² . مرجع سبق ذكره مص. 1996 محمد بن ناصر العبودي. (32)

потому как иранцы являются приверженцами шиитского направления, а этническая близость Турции дает ей больше возможностей именно в Среднеазиатском регионе.

После поездки по крупным городам Узбекистана и Туркменистана делегацию Аль-Абуди приняли в Духовном управлении мусульман в Ташкенте. Его глава шейх Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф предоставил гостям информацию о переменах в религиозной сфере в Узбекистане. В частности, он отметил, что в результате расширения свободы вероисповедания количество мечетей в одном только Ташкенте за короткий промежуток времени превысило 300, притом что во время первого визита делегации в 1989 г. в отчетах поездки было записано всего 15 мечетей.

В дневнике Аль-Абуди сообщается, что среди верующих много молодежи, религиозные науки и арабский язык свободно преподаются всем желающим, все мечети снабжены Кораном и что женщины носят религиозную одежду – хиджаб¹. Отличие этих путевых заметок 1995 г. от предыдущих в том, что визиты 1989 и 1990 гг. представляли собой ознакомление с мусульманскими республиками СССР и наблюдение за жизнью мусульман, а целью последней поездки было оказание влияния на процесс возрождения ислама в регионе. Помимо этого, поездка дала возможность делегации провести исследования, открыла доступ к источникам по истории религий региона и возможность получать информацию «из первых рук». Кроме того, члены делегации общались с местным населением, знакомились с повседневной жизнью и отношением к исламу. Все эти наблюдения отражены в третьей книге. Одним словом, работы Аль-Абуди можно считать прекрасными источниками по истории сложного и неоднозначного переходного периода республик Средней Азии.

Послесловие

Можно сожалеть, что шейх Аль-Абуди не продолжил свое знакомство с Центральной Азией в наши дни, где только в одном Узбекистане действуют 2042 мечети, в которых работают имамы с хорошим образованием (в 2018 г. один имам на 8 тыс. жителей). Указом президента Ш. Мирзиёева (от 16.04.2018) № 466 «О мерах по коренному совершенствованию деятельности религиозно-просветительской сферы» существовавшие ранее Ташкентский

¹ (190). مرجع سبق ذكره، ص. 1996 محمد بن ناصر العبودي.

исламский университет и Исламская академия Узбекистана были объединены в Международную исламскую академию Узбекистана. В этом учебном заведении, финансируемом за счет средств бюджета, ведутся занятия по следующим предметам: коранистика, хадисоведение, исламская юриспруденция (правовая школа Абу Ханифы), тасаввуф, исламская экономика и финансовая система, история, первоисточники религии, исламская философия, религиоведение, международные отношения, паломнический туризм, социопсихология религии, классическое литературоведение стран Ближнего и Среднего Востока. В академии также преподают иностранные языки (английский, немецкий, арабский, персидский, турецкий, узбекский, урду). Кроме того, Духовное управление мусульман Узбекистана подготовило онлайн-программы для желающих изучать исламские науки самостоятельно.

Ислам в Узбекистане является доминирующей религией, но в то же время в стране проживают представители 16 других конфессий. Например, для православных (а их 5% населения, они объединены в 37 организаций при православных храмах) в 1990 г. было открыто духовное училище, а в 1998 г. – духовная семинария, по-прежнему функционируют три православных монастыря. Есть и другие общины: христиане-пресвитериане, баптисты, пятидесятники, адвентисты, а также иудеи, бахаи, католики, лютеране, кришнайты, буддисты и др.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Азимов К.С.,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель,

Институт востоковедения (г. Ташкент)

Бибикова О.П.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, ИВ РАН

**ШИИТЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИВАНА**

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.04

Аннотация. Шииты Ливана стали объектом внимания Тегерана, который пытается втянуть их в планы по укреплению своего влияния в арабских странах.

Ключевые слова: шииты; Муса Садр; Амаль; Ливан; Иран; статья I.

Возникновение шиитской общины в Ливане

Шиизм стал проникать в Ливан в VII в. Считается, что шииты пришли в Ливан вместе с частью йеменского племени Хамадан, которое до этого обосновалось в районе города Куфа (Ирак). Они поддерживали притязания Али, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда и его потомков на халифат. Но после того как к власти пришла династия Омейядов (661–750), обложившая население непосильными налогами, часть племени перебралась в Ливан. Сначала они поселились в Горном Ливане, который несколькими веками позднее превратился в оплот христианства. В Кесруане

вплоть до начала XIV в. они доминировали, пока христиане-марониты, спасавшиеся от репрессий со стороны суннитов, не вытеснили их. Мусульманские историки утверждают, что в тот период шииты поселились в Хомсе, Дамаске, Алеппо, а также на средиземноморском побережье Сирии. Когда Сирия попала под власть династии Фатимидов (909–1171), исповедовавшей исмаилизм¹, шииты, почувствовав поддержку, расселились по всему Ливану. В частности, г. Триполи, ныне считающийся суннитской столицей Ливана, в XI в. обладал значительным шиитским населением, о чём писал знаменитый иранский поэт и путешественник XI в. Насир Хосров.

Однако раскол, произошедший в исламе после смерти имама Хусейна (626–680), навсегда разделил мусульман на суннитов и шиитов. Знаменитый арабский полководец Салах-ад-Дин, разгромивший армию крестоносцев в битве под Хиттином (1187), объединив территории Египта, Сирии (включая Ливан) и Ирака, создал айюбидское государство, в котором предпочтение отдавалось суннизму. Представители династии Айюбидов (включая основателя династии Салах-ад-Дина) испытывали недоверие к шиитам. А позднее – в XIV в. – после пламенных речей Ибн Таймии² (1263–1328), объявившего шиитов «рафидитами» (отступниками), т.е. отрицающими трех первых «праведных» халифов, правивших до Али ибн Абу Талиба, считавшегося I шиитским имамом, многие правители стали считать шиитов людьми «второго сорта».

Когда в 1309 г. армия мамлюков вошла на территорию Ливана, многие шииты перебрались в горы, в долину Бека'а и южный Ливан. Преследование властями шиитов заставило их прибегнуть к практике *такыйя*, которая предполагала скрытие своей

¹ Исмаилизм – шиитское течение. Исмаилиты верят в единство Бога, а также в завершение божественного откровения с Мухаммедом, которого они считают «последним Пророком и Посланником Бога всему человечеству». Изначально идеология исмаилизма демонстрировала влияние неоплатонизма. Исмаилиты и имамиты почитают одних и тех же имамов. В X–XII вв. они создали свое государство – фатимидский халифат. Впоследствии в лоне исмаилизма возникли новые течения. В Ливане последователями исмаилизма считаются друзы, активно демонстрирующие свой отход от первоначальной доктрины.

² Ибн Таймийя (1263–1328) – арабо-мусульманский теолог, последователь Ахмеда ибн Ханбала (780–855) иракского правоведа и основателя ханбалитского мазхаба. Был яростным критиком «нововведений» в религии. Впоследствии его идеи были подхвачены М. Абд аль-Ваххабом (1703–1792).

истинной веры¹. Позднее некоторые, ради спасения своих близких, были вынуждены принять суннизм.

Тем не менее шиитская община стремилась сохранить свою веру, поддерживала контакты с шиитами других стран, посыпала своих детей учиться в шиитские центры.

В XV в. небольшое поселение Карак Нух² (близ Баальбека) стало центром шиитского просвещения, где трудились шиитские богословы. Среди них Али ибн Абдулла аль-Караки аль-Амили³, разработавший теорию «вилаят аль-факих» (правление законоведа, замещающего 12-го имама в период его сокрытия⁴) и «нийабат аль-факих» (наместничество). Позднее шейх уехал в Иран по приглашению шаха Исмаила (1487–1524) из династии Сефевидов, где, получив звание «шейх уль-ислам», стал одним из крупнейших пропагандистов идеологии шиизма. Исмаил также пригласил в Иран мусульманских правоведов из Бахрейна и Южного Ирака. Впоследствии они развили учение имамитского шиизма и сделали его доступным для населения, что способствовало его распространению⁵.

В 1516 г. территория Сирии (включая Ливан) попала под власть Османской империи. Город Триполи, обладавший до османского нашествия значительным шиитским населением, обезлюдел, так как шииты бежали от преследований. На родине аль-Караки – в Ливане – начался геноцид шиитов. В период правления османского султана Селима I (1465–1529) погибли 44 тыс. шиитов в Джебель Амиль и 40 тыс. в Алеппо. Примеру своих хозяев последовал знаменитый своей жестокостью Ахмед Джаззар (1721–

¹ Практика сокрытия веры была распространена и в других древних религиях («Reservatio menyalis» – мысленная оговорка – лат.).

² Карак Нух – небольшое селение в долине Бека'a. Считается, что здесь находится могила Ноя, что отражено в названии. Нух – по-арабски Ной.

³ Али бин Аль Хусейн бин Али бин Мухаммад бин Абдель Аал, известный как «аль-Караки», родился в деревне Карак Нух, в 865 или 870 г. хиджры (~1492), умер в 940 г (~1492) в г. Наджаф (Ирак). Аль-Караки имеет много титулов, среди них «Зайн ад-Дин» (сокровище религии), полученное им после написания многочисленных трудов. Будучи правоведом, он поддерживал студентов, изучающих мусульманское право, путем создания школ и материального субсидирования студентов, используя для этого собственные средства.

⁴ В 874 г. последний, 12-й имам Мухаммад ибн аль-Хасан аль-Махди (г.р. 868) считается махди (мессией). Его исчезновение считается временным. Шииты уверены, что он вернется, восстановит мир, справедливость, а также установит власть ислама.

⁵ Roy O. The failure of political Islam, Carol Volk. P. 170.

1804)¹, назначенный османами правителем Палестины и значительной части Сирии в 1775–1804 гг., и истребивший десятки тысяч шиитов. Именно после османской оккупации Сирии и Ливана в 1516 г. многие шиитские богословы, ученики и последователи аль-Караки были вынуждены переселиться в Ирак и Иран. Благодаря тому, что османских султанов больше всего интересовало получение налогов с подвластного арабского населения, юрисдикция в Ливане была номинальной. Так, несмотря на власть султана, район Баальбека в XVIII в. находился под контролем шиитов.

В Османской империи шииты не были допущены к военной службе, не имели права служить в административном аппарате. Шиитские хавзы (религиозные семинарии) в Джебаа, Джиззине, Машгара, Аль-Карке, Майсаль Джебель и Шакра, где обучались молодые ливанские шииты, разрабатывались учебные пособия и проводились дискуссии на религиозные темы, были закрыты.

К началу XX в. шииты Ливана были сосредоточены в долине Бека'а и Джебель Амиль. В основном это были малоимущие крестьяне и городская беднота, работавшая в служении у богатых семей. Но постепенно сформировались крупные шиитские кланы, владевшие землей.

После введения французского мандата (1920) вооруженные шииты первыми напали на французские позиции в Южном Ливане. Им же приписывается неудачное покушение на верховного комиссара Франции Анри Гуро². Их к тому времени уже было 17% населения³.

Французские власти передали семь деревень на юге Ливана, населенные шиитами, под управление британского мандата над Палестиной. Впоследствии эти деревни вошли в состав Израиля. Однако во время войны 1948–1949 гг. деревни обезлюдили, так как населяющие их шииты бежали в Сирию. Впоследствии эти деревни были заселены израильтянами⁴.

¹ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. – М., 1962. – С. 14.

² Верховный комиссар Франции в Сирии и Киликии и главнокомандующий армией Леванта в 1919–1922 гг.

³ Mackey S. Lebanon. A House divided. – N.Y., 2006. – P. 194.

⁴ Rubinstein D. The Seven Lost Villages Haaretz, 6.08.2006.

Социально-экономическое положение шиитов после получения Ливаном независимости

Шиитов, исповедующих основное шиитское направление – имамизм, – в Ливане называют *митаяали* (от *متاولة*). После получения независимости (1946) в период формирования ливанского государства шиитам не удалось получить долю во властных структурах. Соотношение сил было не в их пользу и, по выражению одного из их лидеров, им досталось лишь «откидное место». Согласно Национальному пакту, переговоры по которому в 1943 г. от имени христиан вел маронит Бишара аль-Хури, а от имени мусульман – суннит Рияд Сольх, шииты оказались на третьем месте в общинной иерархии, основанной на переписи населения 1932 г.

При формировании парламента шиитам было предоставлено место спикера парламента, которое традиционно занимали представители богатых шиитских кланов аль-Асаад, аль-Усайран, аль-Халиль, Хамаде. Действительно, «ключевые позиции в правительстве всегда сохранялись за маронитами, вспомогательные – за суннитами. Так, в 1974 г., накануне гражданской войны, из 85 высших административных постов 43 принадлежали христианам, 22 – суннитам, 14 – шиитам и 6 – друзам»¹.

Абсолютное большинство шиитов составляют беднейший слой населения страны. Как отмечал российский востоковед А.И. Александров: «...господство феодальной верхушки блокировало протестные настроения среди шиитов. Оппозиционно настроенные шииты, как правило, пополняли ряды светских левых партий, в частности Коммунистической партии Ливана»².

По поводу роли Коммунистической партии в пробуждении национального самосознания шиитов надо сказать особо. Действительно, коммунисты работали среди беднейших слоев населения, где имели большое влияние. Благодаря помощи СССР десятки молодых шиитов из Ливана смогли получить среднетехническое и высшее образование. Согласно оценкам, примерно 1/3 руководства ливанской компартии состояла из шиитов. Рене Шамусси (René Chamussy), французский исследователь истории современного

¹ Roullet E. Liban: les chiites veulent devenir des citoyens à part entière du pays. Le Monde. Р., 12-13.02.1984.

² Александров А.И. О политической элите Ливана. Часть 3. – <http://www.iimes.ru/?p=20499> (дата обращения: 15.10.2020).

Ливана, в своей книге «Хроника одной войны» по поводу ливанской компартии писал, что «половину личного состава партии составляли мусульмане-шииты, 30% – христиане различных конфессий, 20% – сунниты и друзы»¹. Позднее, в 1984 г., французский востоковед Эрик Руло привел другие данные на середину 1980-х годов: «Партия на 50% состоит из мусульман, среди которых около половины приходится на долю шиитов»².

Коммунистом был известный философ и публицист Керим Мруввэ (1910–1987). Выходец из семьи ливанских шиитов, он в 14 лет был отправлен своим отцом в г. Наджаф (Ирак) для постижения исламских наук. Однако в Ираке он прочитал «Коммунистический манифест», написанный Хусейном Мухаммадом аш-Шабиби, одним из основателей Иракской коммунистической партии, после чего заинтересовался марксизмом. Вернувшись на родину, он в 1951 г. вступил в коммунистическую партию³. Х. Мруввэ считается основателем школы критики социалистического реализма в арабском мире. Его основной труд – «Материалистические тенденции в арабо-мусульманской философии» – стал марксистским переосмыслением прочтения традиционных арабских текстов. С 1966 по февраль 1987 г. Мруввэ был редактором журнала «Ат-Тарик», а также членом редакционной коллегии журнала «ан-Нахдж», издававшийся Центром изучения социализма в арабских странах. 18.02.1987 г. Х. Мруввэ был убит шиитскими экстремистами, считавшими ученого отступником от шиизма.

Распространение марксистского атеистического мировоззрения пришлось не по вкусу именитым шиитам – выходцам из средних классов. В первую очередь это касается религиозных деятелей, которые увидели в нем угрозу сплоченности их общины в момент обострения межконфессиональной напряженности.

Однако под влиянием социалистических идей шииты, глубоко политизированные самими обстоятельствами своего существования, воспитанные на эгалитарной идеологии первых имамов,

¹ *Chamussy René. Chronique d'une Guerre – Le Liban 1975–1977. Paris, 1978.*
P. 214.

² *Roulot E. Liban: les chiites veulent devenir des citoyens à part entière du pays.*
Le Monde. P., 12-13.02.1984.

³ С 1948 по 1958 г. это была объединенная коммунистическая партия Ливана и Сирии. Разделение на Сирийскую КП и Ливанскую КП произошло в ноябре 1958 г. после объединения Сирии и Египта в Объединенную Арабскую Республику.

начиная с 1970-х годов начинают вступать в профсоюзы и левые партии.

В 1980-е годы из-за сосредоточения на юге Ливана палестинских подразделений и их почти постоянных вылазок против Израиля, на что израильтяне отвечали артиллерийскими обстрелами, шиитское население этого района стало переселяться в пригороды Бейрута, создав обширный район Дахия в южном пригороде. Оставшиеся чрезвычайно страдали от присутствия палестинских командос, которые укрепились здесь после того как они были выдворены из Иордании. В годы гражданской войны в Ливане (1975–1990) шиитская община Ливана была признана конституцией страны одной из 18 конфессий. По численности шиитов традиционно ставили на третье место, поскольку первая перепись, проведенная при формировании государства в 1932 г., установила, что всего в Ливане 20% населения исповедуют шиизм (200 тыс. из 791 700)¹. На самом деле уже тогда их было гораздо больше.

Согласно Таифскому соглашению (Саудовская Аравия, 1989 г.), ознаменовавшему окончание гражданской войны в Ливане, шииты получили два места (из 72) в парламенте.

Современная шиитская община в Ливане по-прежнему дискриминируется, хотя есть мнение, что в XXI в. они составляют большинство населения Ливана. Среди них есть представители разных направлений шиизма: имамиты / двунадесятники, алавиты, исмаилиты и друзы. Последние довольно давно откололись от традиционного шиизма, однако традиционно их причисляют к шиитам. Кроме шиитов-имамитов в Ливане также проживают примерно 40 тыс. алавитов. Они поселились здесь еще в XVI в. в районе Джебель Мохсен в Триполи и в 10 деревнях в районе Аккар. С началом войны в Сирии возобновился конфликт между местными суннитами и алавитами. С одной стороны, это сунниты района Баб аль-Таббани, которые поддерживают оппозиционную правительству Сирийскую свободную армию². С другой стороны, это люди из Джебель Мохсен, района, в котором преобладают алавиты, симпатизирующие своим единоверцам в Сирии. Характерно, что

¹ Известно, что эта первая перепись (в силу тогдашней ментальности населения) не смогла охватить все население страны. Например, на вопрос «сколько у вас детей?», отцы семейств называли число мальчиков (по-арабски слово «ауляд» означает «дети», а также «мальчики»), считая, что девочки после замужества уйдут в другие семьи.

² На самом деле это группа перебежчиков из правительственной армии.

это не единственный пример противостояния жителей двух районов. Аналогичный конфликт имел место после вторжения сирийской армии в Ливан в 1976 г.¹

Среди ливанских шиитов ниже уровень образования, чем у христиан или суннитов, высок процент многодетных семей. При отсутствии навыков планирования семьи их численность постоянно увеличивается. По данным на 2005 г., они составляли 32% населения страны², и это притом что часть шиитов не имеют паспортов и не участвуют в переписях населения. Это можно объяснить безразличием государства к их нуждам, а также стремлением маронитской верхушки, долгое время доминирующей во властных структурах, намеренно не возбуждать вопрос о соотношении численности мусульман и христиан в стране. В 2017 г. ЦРУ сообщило, что мусульмане-шииты составляют 25,4% населения Ливана³. Согласно другим источникам, ливанские мусульмане-шииты стали крупнейшей религиозной общиной в Ливане, составив около 40% всего населения.

Подъем самосознания ливанских шиитов в 1960–1970 гг.

В конце 1960-х годов возникло шиитское движение, которое возглавил Муса Садр, выходец из известной в Ливане, Иране и Ираке семьи религиозных деятелей⁴. Рассказывают, что его предок Салех Шараф ад-Дин, шиит и богослов из Южного Ливана, еще в XVIII в. был приговорен к смерти османскими властями, но сумел избежать казни и нашел убежище в Иране. С тех пор между ливанскими шиитами Джебель Амиля и Ираном установились

¹ Сирийское насилие находит свое эхо в Ливане // <https://www.mcclatchydc.com/> (дата обращения 15.10.2020).

² Ливанские мусульмане-шииты // https://ru.qaz.wiki/wiki/Lebanese_Shia_Muslims. Александров А.И. О политической элите Ливана часть 3 // http://www.iimes.ru/?p=20499 (дата обращения 16.10.2020).

³ 2012. «Report on International Religious Freedom – Lebanon». United States Department of State, 20 Mai 2013 // <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2012/nea/208400.htm> (дата обращения 16.10.2020).

⁴ Семья Садр относится к клану Мусави, чье происхождение восходит к 7-му шиитскому имаму Мусе ибн Джрафу, и далее через Фатиму, дочь Пророка, жену Али ибн Абу-Талиба, к пророку Мухаммеду.

прочные связи¹. Садреддин, отец Мусы Садра, был уроженцем города Тир (Ливан). Матерью Мусы была дочь аятоллы Хусейна Табатабаи Куми². Желая дать сыну образование, отец отправил сына в город Кум (Иран). Великий аятолла Мухаммед Баэр аль-Хадр – дальний родственник семьи, по некоторым данным, хотел сделать Мусу Садра своим преемником. В 1950-е годы М. Садр вернулся в Ливан. На родине предков он взял на себя миссию объединить своих единоверцев, вывести их из состояния нищеты и помочь им занять достойное место в ливанском обществе. В 1960–1970-х годах он стал влиятельной фигурой на политической арене Ливана, выступая за равноправие общин, за социальную справедливость и диалог между конфессиями. Он контактировал с лидерами различных партий, выступал на различных политических форумах. В мае 1969 г. он был избран председателем Высшего исламского совета шиитов – первого представительного органа шиитской общины, разрешенного властями. Помимо того, что этот Совет служил центральным религиозным органом, он предоставлял пространство для политических дебатов между различными действующими лицами, включая коммунистов. Теперь для шиитов была создана политико-религиозная основа.

Пытаясь улучшить положение ливанских шиитов, М. Садр «воздорил» благотворительную организацию *Джамиат аль-Бирр аль-Ихсан* и собрал деньги для Социального института (*аль-Муассаса аль-Иджтимайя*), приюта в Тире. В 1963 г. Садр основал швейную школу и детский сад. В том же году он основал Институт исламских исследований (*Махад аль-Дирасат аль-Исламия*). В 1964 г. Садр основал Технический институт (*Бурдж аль-Шимали*), финансирование которого было предоставлено шиитскими благотворителями, банковскими кредитами и Министерством образования Ливана. В 1974 г. он вместе с Хусейном эль-Хусейни (его заместителем. – Авт.) основал Движение лишенных наследства, чтобы добиваться лучших экономических и социальных условий для шиитов. Они открыли ряд школ и меди-

¹ Муса Садр был женат на дочери аятоллы Азизоллы Халили. Он также находился в родстве с президентом Ирана Мохаммедом Хатами, который женился на племяннице М. Садра. Сын М. Садра женат на внучке аятоллы Хомейни.

² Муса ас-Садр – Musa as-Sadr // https://ru.qaz.wiki/wiki/Musa_al-Sadr (дата обращения: 18.10.2020).

цинских клиник по всему Южному Ливану, многие из которых работают до сих пор»¹.

Муса Садр инициировал исламо-христианский диалог с тем, чтобы добиться от христиан уступки части власти для шиитов, которые долгое время были ее лишены. Для этого он пропагандировал идею сближения христиан и мусульман как залог укрепления основ национального государства. Интересно, что поддержку своим идеям он искал даже за пределами Ливана. В частности, в 1963 г. он был единственным шиитом, присутствовавшим на интронизации Папы Павла VI. В должности главы Верховного шиитского совета он выступил с речью в Бейрутском католическом соборе Св. Людовика (19.02.1975) на церемонии по случаю начала Великого поста. В тот момент это был беспрецедентный поступок, свидетельствующий о стремлении М. Садра сделать свою общину полноправной конфессией.

Известно также, что он дружил с греко-католическим епископом Григорием Хаддадом (1924–2015), прозванным за свои взгляды «красным епископом». Епископ предлагал провести социальное обследование районов Ливана, где проживало наиболее бедное население. В частности, в период правления президента Ф. Шехаба (1958–1964) он предложил проект по мобилизации добровольцев в различных регионах страны для сбора данных, необходимых для подготовки проектов помощи в целях развития регионов. Муса Садр поддержал инициативу епископа. В сборе информации приняли участие соратники и ученики М. Садра. В конце концов эта идея легла в основу проекта создания Министерства для разработки планов развития, основанных на количественных данных о потребностях и возможностях различных районов Ливана².

В дальнейшем он расширил свое участие в христианских и мусульманских религиозных форумах, пропагандируя мораль как общую цель религий, одновременно информируя свою аудиторию о несправедливости по отношению к шиитам. В 1973 г. Муса Садр (вероятно, по просьбе президента Сирии Х. Асада) издал фетву, признающую алавитов шиитами³. До этого сунниты считали

¹ Муса ас-Садр – Musa as-Sadr // https://ru.qaz.wiki/wiki/Musa_al-Sadr (дата обращения: 17.10.2020).

² Kasprian R. Gregoire Haddad et la demographie libanaise. Orient le jour. B., 31.12.2015.

³ Kramer M. Shi'ism. Resistance. L., 1990. P. 237–253.

алавитов еретиками, оскорбляющими ислам одним своим существованием.

Яркая и харизматичная личность М. Садра внушала глубокое уважение. Он, в отличие от своих коллег – мусульманских правоведов, имея религиозное образование, посещал лекции на факультете права в Тегеранском университете.

В феврале 1974 г. Муса Садр основал движение, которое стало своей целью борьбу против эксплуататоров, против экспансионистских устремлений Израиля и за устранение конфессионализма в действующей политической системе. Движение стало называться «Движением обездоленных» (*Харакат аль-махрумин*, с 1974 г. – движение *Амаль*). Уже скоро *Амаль* (аббревиатура *Афваджсу аль-мукавамат аль-Любнанийа* – отряды ливанского сопротивления) стала структурой, обладающей военными отрядами, которые часто называют «шиитской милицией»¹. Они были созданы для защиты прав и интересов шиитов. Но Муса Садр отказывался от применения силы для решения проблем Ливана и не вовлекал ополчение в боевые действия.

В начале гражданской войны в Ливане (1975–1990) Муса Садр, чтобы остановить кровопролитие в Бейруте, прибегнул к голодовке. Он сделал заявление и закрылся в мечети ас-Сафа. Реакция на его действия была поразительной. Тысячи людей захотели к нему присоединиться. Правительство запретило продавать бензин, так как со всех концов Ливана к мечети ехали люди. Кроме мусульман голодовку объявили многие армяне. В мечети его навещали священники, шейхи и государственные деятели, выражавшие свою солидарность. Узнав, что в Баальбеке в нескольких деревнях были убиты христиане, он сам прервал голодовку и отправился туда с целью прекратить насилие. Позднее стало известно, что убийства были совершены для того, чтобы обвинить в них мусульман.

М. Садр много общался с шиитами разных стран, в том числе посещал страны Западной Африки, где проживает крупная шиитская диаспора. Он встречался с Ж. Шираком, Л. Сенгором, М.А. Насером, Я. Арафатом и многими другими государственными деятелями. В августе 1978 г. Муса Садр отправился в Ливию по приглашению М. Каддафи. Это была его последняя поездка. Он исчез.

¹ В Крыму (СССР) были обучены несколько групп Амаль // См.: «Le parti chiite Amal se déclare solidaire du Hezbollah». Le Monde. Р., 19.07.2006.

Было много версий относительно причин его исчезновения. Большинство мнений сходилось на том, что он был замучен по приказу М. Каддафи. Позднее Ливан даже пытался привлечь Каддафи к суду, а в 2000 г. в Ливан доставили его сына Ганнибала, с целью допросить об обстоятельствах пребывания М. Садра в Ливии¹.

По нашему мнению, речь идет о том, что Мусы Садра «убрали» сторонники радикального шиитского курса. Напомню, что позднее точно так же был убит ливанский философ Хусейн Мрудвве, которого застрелили два незнакомца в его собственном доме. Были еще «недовольные» суннитские шейхи, которые были не согласны с тем, что Садр издал фетву, согласно которой презираемые суннитами алавиты были причислены к шиитам. Однако наиболее популярной была версия, что во время встречи с Каддафи между ними произошла ссора. Рассматривая все версии ретроспективно, можно прийти к выводу, что последняя версия (особенно после смерти Каддафи) «выгодна» всем врагам М. Садра. СМИ писали, что багаж Мусы Садра был обнаружен в итальянской гостинице, но позднее представители ливийских властей сообщили, что Садр не покидал Ливию.

Одна из версий гибели М. Садра – его убийство по заказу иранских спецслужб – подтверждается дальнейшей политикой Ирана в Ливане. По нашему мнению, проводимая М. Садром политика вступила в противоречие с точкой зрения Тегерана на ситуацию в Южном Ливане, которую сторонники Хомейни рассматривали как плацдарм для борьбы с Израилем.

Муса Садр понимал, что иранский радикализм ведет к подрыву относительно стабильной обстановки в Южном Ливане. По просочившимся в то время слухам речь шла о некоем плане «Кербела», который, по замыслу иранских стратегов, должен был радикализировать ливанских шиитов и под иранскими революционными знаменами направить против Израиля.

После исчезновения Мусы Садра в Южном Ливане возник политический вакуум, которым воспользовался Иран, давно

¹ «Международная амнистия» посвятила имаму Мусе Садру главу в докладе «О насильственном похищении людей» (30.08.2003). В нем утверждалось, что заявления ливийского режима об отъезде Мусы Садра из Ливии «противоречат материалам расследования, проведенного итальянским правительством». См.: Имам Муса Садр (Религия на службе человека) Вилаят аль-Махди // https://vk.com/topic-87156416_33027412?offset=20 (дата обращения: 18.10.2020).

наблюдавший за шиитской общиной Ливана. Новая проиранская структура Хизбулла немедленно воспользовалась ослаблением *Амаль* и начала активно распространять свое влияние среди ливанских шиитов.

Одной из причин ослабления *Амаль* после гибели Садра называют то, что, несмотря на создание военного крыла, организация не смогла защитить шиитов Южного Ливана от израильтян, вторгавшихся на территорию Ливана в 1978 и 1982 гг. Кроме того, Муса Садр придерживался более толерантного подхода к ситуации в регионе. Он не хотел превращать его в милитаризованный плацдарм даже ради высоких идей исламской революции.

На самом деле соперничество между *Амаль* и организацией Хизбулла является отражением трений между Сирией и Ираном из-за Ливана. В 1988 г. сирийцы угрожали ввести свои войска в южные пригороды Бейрута с тем, чтобы лишить хомейнистов базы вербовки молодых шиитов, в случае если они будут подрывать стабильность в Ливане. В ответ Тегеран грозил устроить на юге беспорядки, под вывеской партизанского сопротивления, что могло спровоцировать прямое вооруженное вмешательство Израиля с последующим втягиванием в конфликт и сирийцев.

После гибели М. Садра организацию *Амаль* некоторое время возглавлял Хусейн Хусейни, тогдашний депутат ливанского парламента. Затем его место занял Набих Берри¹, который остается главой *Амаль* до сегодняшнего дня.

В 1985 г. (через семь лет после исчезновения М. Садра) был опубликован программный документ партии Хизбулла, в котором, в частности, говорится: «Мы обращаемся ко всем арабам и мусульманам, чтобы заявить им, что опыт мусульман в исламском Иране доказал, что люди, мотивированные верой, с голой грудью могут с помощью Аллаха разрушить железо и угнетение тиранических режимов... только ислам способен привести к возрождению человечества и осуществлять прогресс»².

Проиранским элементам удалось укорениться и внутри шиитского движения *Амаль*. Требования более радикального курса

¹ Набих Берри – 1938 г.р. род. в Фритауне, Сьерра-Леоне, по образованию – юрист. В 1970-е годы был юрисконсультом *Амаль*. Ныне ведущий ливанский политик-шиит, спикер парламента с 1992 г. С 1980 г. возглавляет шиитское движение *Амаль*.

² Цит. по: Востоковедение и африканистика. Социальные и гуманитарные науки. РЖ № 2, 2010 (ISSN 0132-7348); С. 92.

в соответствии с призывами хомейнистов внесли раскол в движение. Внутри руководства *Амаль* разгорелся жаркий спор. Сторонники хомейнистской политики проявили изрядную настойчивость. Но лидер движения Набих Берри вышел из положения, отложив дату предстоящего съезда с тем, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Отметим также, что хомейнисты в *Амаль* называли свою фракцию «Исправительным движением» (*харакат ат-такассу-сийа* – по аналогии с «исправительным движением» в Сирии, которое объявил Х. Асад в ноябре 1970 г.). Через фракцию своих сторонников Тегеран потребовал от руководства *Амаль* принять следующие условия. 1. Согласиться с принципом «виляят факих» (т.е. признать руководящую роль аятолл в политике). 2. Согласиться с планами установить в Ливане исламскую республику по иранскому образцу. 3. Организовать новые выборы в Политбюро и Исполкома *Амаль* с учетом рекомендованных Тегераном лиц. Руководство *Амаль* эти требования отвергло.

(Продолжение в следующем номере.)

*Статья предоставлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Кириченко В.П.,

научный сотрудник, ИВ РАН

**ИРАН И СИРИЯ: ФАКТОРЫ СБЛИЖЕНИЯ
И СОТРУДНИЧЕСТВА**

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.05

Аннотация. Статья посвящена отношениям Ирана и Сирии. При шахе Резе Пехлеви (1919–1980) двусторонние отношения между этими странами не были дружескими, несмотря на их потепление в 1970-х годах. После исламской революции (1978–1979) Иран потерял поддержку со стороны США и стал нуждаться в союзниках. Это привело к сближению Ирана с Сирией. Иранское руководство разделяло точку зрения Сирии относительно Израиля. Все это способствовало укреплению двусторонних связей. С началом сирийского кризиса (2011) Иран решительно поддержал режим Б. Асада и оказал Сирии финансовую и военную помощь.

Ключевые слова: Иран; Сирия; сотрудничество; внешняя политика.

Иран и Сирия являются союзниками на Ближнем и Среднем Востоке. Однако так было не всегда. С конца 1950-х годов у власти в Сирии находились правительства, настороженно относящиеся к политике Ирана. Сменявшие друг друга сирийские режимы рассматривали это государство как врага арабского мира. Сирия обвиняла Иран в том, что он оккупировал арабские земли Хузестана¹, который арабы называют «Арабистан». Негативное отношение к Ирану усугублялось и тем, что шах Мухаммад Реза Пехлеви² проводил дружественную политику по отношению к Израилю и был союзником США³. Следует отметить, что хотя Израиль и Иран никогда не имели дипломатических отношений, однако в течение почти 30 лет после образования Израиля страны находились в добрососедских отношениях.

При решении палестинского вопроса Иран выступал против раздела Палестины на еврейское и арабское государства. Шах Пехлеви считал необходимым создание двунационального федеративного государства.

В марте 1950 г. Иран де-факто признал Государство Израиль, провозглашенное в 1948 г. В том же году Иран открыл в этой стране свое консульство. Однако через год оно было закрыто. Функции официального представительства Израиля в Тегеране выполняли бюро Еврейского агентства для Израиля⁴ и торговое представительство.

В этот период Иран успешно совмещал тесные отношения с Израилем с проарабской позицией в вопросе ближневосточного урегулирования. При этом шах Ирана Пехлеви признавал право Израиля на существование⁵.

¹ Хузестан – провинция Ирана, расположена на юго-западе страны, граничит с Ираком.

² Мухаммад Реза Пехлеви (1919–1980) – последний шах Ирана (1941–1979).

³ Hunter Shireen T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance // Amirahmadi H., Entessar N. Iran and the Arab World. 1993. P. 204.

⁴ Еврейское агентство для Израиля – международная еврейская организация, занимается репатриацией евреев, проблемами сохранения еврейской идентичности и связей локальных еврейских общин с глобальным еврейским сообществом.

⁵ Ирано-израильские отношения. ДОСЬЕ // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/681667> (18.08.2020).

После прихода к власти в Сирии в 1970 г. Хафеза аль-Асада¹ политическая ситуация в стране стабилизировалась. Растущее влияние Сирии в Ливане способствовало тому, что для Ирана Сирия стала более значимым государством с точки зрения его связей с арабскими странами².

Двусторонние отношения между Сирией и Ираном улучшились во время арабо-израильской войны 1973 г. Во время конфликта Иран оказывал материально-техническую, медицинскую и другую невоенную помощь арабским странам. В период, последовавший за войной, Иран оказал Сирии и финансовую помощь. Отношения между государствами в некоторой степени потеплели. В 1974 г. Иран предоставил 150 млн долл. США в качестве займа, а также грант в размере 50 млн долл. для финансирования ряда промышленных и сельскохозяйственных проектов в Сирии. В 1975 г. Иран предоставил Сирии дополнительно 300 млн долл. в виде займов.

В декабре 1975 г. Х. Асад совершил первый государственный визит в Иран. После этого страны продолжали обмениваться визитами на уровне министров, укрепляя культурные, экономические и политические связи. Однако в 1978 г. шах Пехлеви поддержал решение египетского президента Анвара Садата³ заключить мир с Израилем⁴. Это было неприемлемо для сирийского руководства и привело к ухудшению отношений Дамаска с Тегераном. Лишь после исламской революции в Иране (1979) отношения потеплели. Сирия была одним из первых государств, признавших новое правительство в Иране.

¹ Хафез аль-Асад (1930–2000) – сирийский политик, который занимал пост президента Сирии (1971–2000). Был премьер-министром (1970–1971), а также секретарем командования сирийского регионального отделения Партии Арабского социалистического возрождения (ПАСВ или БААС) и генеральным секретарем национального командования этой партии (1970–2000).

² Hunter Shireen T. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance // Amirahmadi H., Entessar N. Iran and the Arab World. 1993. P. 204.

³ Садат Анвар (1918–1981) – президент Египта (1970–1981). В 1978 г. в Кэмп-Дэвиде подписал мирный договор с Израилем. Был убит в 1981 г. исламским фундаменталистом.

⁴ Goodarzi Jubin M. Syria and Iran: Diplomatic Alliance and Power Politics in the Middle East P. 15–16.

Общие интересы Сирии и Ирана

После исламской революции Иран потерял поддержку со стороны США и нуждался в союзниках. Это привело к сближению Ирана с Сирией. Иранское руководство разделяло опасения, которые были у руководства Сирии по поводу Израиля. Враждебные отношения Ирана с Ираком также способствовали укреплению его связей с Сирией. Нужно отметить, что исторически и у Сирии были весьма напряженные отношения с Ираком. У власти в обоих государствах находились представители партии Арабского социалистического возрождения (ПАСВ в Сирии и БААС в Ираке). Ирак и Сирия боролись за идеологическое и политическое превосходство. Между странами существовали и территориальные споры. Ко всему прочему, у Хафеза аль-Асада и Саддама Хусейна¹ сложились неприязненные отношения. В войне Ирана с Ираком (1980–1988) Сирия поддержала Иран. Сирия также выступила против создания арабской коалиции против Ирана в ноябре 1980 г. В 1982 г. Сирия перекрыла нефтепровод, проходящий через ее территорию в Ирак. А в 1983 г. Асад отверг предложение саудовского короля Фахда бин Абдулазиза аль-Сауда² организовать встречу с Саддамом Хусейном³.

Сотрудничество Ирана и Сирии продолжилось и после того как в 2000 г. президентом Сирии стал Башар аль-Асад. Еще одна причина сближения Сирии и Ирана – их непростые отношения со странами Запада и особенно с США. Наиболее напряженными они стали после событий начала 2000-х годов. Так, несмотря на негативное отношение руководства обеих стран к режиму С. Хусейна, Иран и Сирия резко критиковали вторжение войск США в Ирак (2003)⁴.

16 июня 2006 г. министры обороны Сирии и Ирана подписали соглашение о военном сотрудничестве для борьбы с «общими

¹ Саддам Хусейн Абд аль-Маджид ат-Тикрити (1937–2006) – президент Ирака (1979–2003). Член партии БААС. Саддам сыграл ключевую роль в перевороте в 1968 г. (позже названном революцией 17 июля), который привел партию к власти в Ираке.

² Фахд бин Абдулазиз Аль Сауд (1921–2005) – король Саудовской Аравии (1982–2005).

³ Ehteshami A., Hinnebusch R.A. Syria and Iran: Middle Power in a Penetrated Regional System. L., N.Y., 2002. P. 93.

⁴ Iran-Syria Relations // <https://internationalrelations.org/iran-syria-relations/> (18.08.2020).

угрозами», исходящими от Израиля и США, при этом министр обороны Ирана Мостафа Мохаммад Наджар заявил: «Иран рассматривает безопасность Сирии как безопасность Ирана, и мы считаем, что наши оборонительные возможности принадлежат Сирии¹. Результатом встречи стало приобретение Сирией иранской военной техники.

Помимо продажи Сирии техники, Иран постоянно инвестирует миллиарды долларов в сирийскую экономику. Иран участвует в реализации нескольких промышленных проектов в Сирии, в том числе строительстве цементных заводов, автомобильных сборочных линий, электростанций.

17 февраля 2007 г. президенты двух стран Махмуд Ахмадинежад и Башар Асад встретились в Тегеране и заявили о создании коалиции для борьбы против США². С начала сирийского кризиса (2011) Иран оказывает поддержку режиму Башара Асада. Тегеран считает, что приход сирийской оппозиции к власти приведет к тому, что Иран будет изолирован на Ближнем Востоке и лишится влияния в Ливане. Для Ирана также сократятся возможности поддержки организации *Хезболла*, которую он поддерживает именно через Сирию.

Несмотря на то что события «арабской весны» в Сирии имели внутренние предпосылки (экономические, экологические и политические), не обошлось и без внешнего вмешательства. Так, помочь оппозиционным Асаду силам оказывала, в том числе, и Саудовская Аравия. Как отмечают российские исследователи В. Кузьмин и Н. Соколов: «Саудовская Аравия и Иран используют ситуацию в Сирии для борьбы за региональное лидерство. Причем, если Саудовской Аравии выгодно ослабление и свержение режима Башара Асада, то для Ирана, напротив, очень важно укрепить и оставить у власти действующего президента Сирии»³.

Ко всему прочему, саудовская королевская семья позиционирует себя как защитник суннитов от того, что, по ее мнению, является вмешательством Ирана в дела арабов. Саудовцы рассмат-

¹ Moussaoui A. Iran and the Syrian crisis Journal of US – China Public Administration, March 2017. Vol. 14. No 3. P. 140.

² Head of Parliament's National Security Commission to visit Syria // <https://en.irna.ir/news/80289899/Head-of-Parliament-s-National-Security-Commission-to-visit-Syria> (20.08.2020).

³ Кузьмин В., Соколов Н. Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе // Мусульманский мир. 2018. № 1. С. 11.

ривают Иран как своего соперника в регионе. Религиозные разногласия также накладывают отпечаток на отношения этих стран. Дело в том, что верхушка Саудовской Аравии принадлежит к крайне консервативному течению ислама – ваххабизму. Ваххабиты враждебно относятся к шиитам и считают их «вышедшими из ислама». Особенно непримиримы ваххабиты по отношению к алавитам, крайним шиитам, находящимся на руководящих постах в Сирии.

В 2013 г. министры культуры Сирии и Ирана договорились о запуске совместного телеканала. При этом министр культуры Сирии Мохаммад Абдул Саттар аль-Сайд заявил, что цель предприятия – заменить каналы, пропагандирующие ваххабитскую идеологию¹. Ситуация в Сирии осложнилась деятельностью террористических группировок «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (запрещены на территории РФ) и других. Наряду с Россией, Иран оказывает помочь Сирии в борьбе с экстремистами.

Экономическое сотрудничество Сирии и Ирана

С 2011 г. Иран и Сирия подписали ряд соглашений о военной поддержке, в которые также были включены положения, направленные на продвижение интересов Ирана в сирийской экономике. Стоит отметить, что Сирия и Иран находятся под экономическими санctionями со стороны западных стран.

В 2011 г. еще до начала сирийского кризиса Иран, Ирак и Сирия заключили соглашение о прокладке газопровода из Ирана в Сирию через Ирак с перспективой его выхода на берег Средиземного моря. Благодаря этому Иран получил бы возможность поставлять газ в Европу. Израиль резко выступил против этого проекта, так как оно укрепляло бы позиции Ирана и Хезболлы. Строительство данного газопровода было также не в интересах Катара. В 2009 г. Б. Асад отказался предоставить свою территорию для прокладки газопровода Катар – Турция². С началом войны в Сирии строительство газопровода Иран – Ирак – Сирия было отложено.

¹ Iran, Syria agree to launch TV against Wahhabism // <https://en.mehrnews.com/news/100387/Iran-Syria-agree-to-launch-TV-against-Wahhabism> (11.09.2020).

² Никифоров О. Насколько реальна газовая подоплека сирийского конфликта // https://www.ng.ru/ng_energiya/2018-03-20/15_7193_siria.html (04.10.2020).

В 2010 г. товарооборот между Ираном и Сирией составлял 545 млн долл., 516 млн из которых приходились на экспорт из Ирана в Сирию, а 29 млн – на импорт в Иран. Однако из-за войны в Сирии объем торговли упал до 100 млн в 2014 г.¹ Однако после разгрома ИГ ситуация стала улучшаться. В мае 2020 г. глава Совместной торговой палаты Ирана и Сирии Кейван Кашефи заявил, что, по прогнозам, объем торговли Ирана с Сирией достигнет 1 млрд долл. США к следующему иранскому календарному году (с 21 марта 2021 г.).²

Иран экспортирует в Сирию легкие масла, пшеничную муку, фармацевтические добавки, активные дрожжи, сухое молоко, пропан, мочевину и бутан. Импортируемые Ираном из Сирии товары включают оливковое масло, фосфаты, пряжу, лом и использованные батареи, жирные кислоты, полиуретаны, текстиль и изделия из пластика.³

В 2019 г. президент Ирана Хасан Роухани на встрече с Б. Асадом в Тегеране заявил, что его страна окажет помощь в восстановлении разрушенной войной Сирии⁴. В июне 2020 г. состоялась встреча премьер-министра Сирии Хусейна Арнуса с иранской делегацией. В ходе мероприятия обсуждалось дальнейшее развитие экономического сотрудничества двух стран, которые стали объектом санкций США и стран Запада.

Экономическое сотрудничество Ирана и Сирии по-прежнему продолжается в соответствии с указаниями лидеров двух стран, заявил Арнус. Он добавил, что у Сирии есть комплексный план по развитию сельского хозяйства и пищевой промышленности для того, чтобы снизить негативный эффект от санкций.

Хасан Данаифар, глава штаб-квартиры по развитию экономического сотрудничества Ирана с Ираком и Сирией, возглавлявший иранскую делегацию, со своей стороны повторил, что его

¹ Issaei L., Azizi H. Russian-Iranian Economic Interests in Syria (Part 2) // Азия и Африка сегодня. 2019. Вып. № 9. Р. 11–12.

² Iran-Syria trade seen to reach \$1b by March 2021 // <https://www.tehrantimes.com/news/447746/Iran-Syria-trade-seen-to-reach-1b-by-March-2021> (04.10.2020).

³ Issaei L., Azizi H. Russian-Iranian Economic Interests in Syria (Part 2) // Азия и Африка сегодня. 2019. Вып. № 9. Р. 12.

⁴ Iran to help rebuild Syria, restore stability to country: Rouhani // <https://www.presstv.com/Detail/2019/02/25/589546/Rouhani-Assad-reconstruction-terrorism-Sochi> (06.10.2020).

страна «стоит рядом с Сирией», чтобы противостоять экономическим санкциям¹.

Сотрудничество Сирии и Ирана в сфере религиозного туризма

Иран оказывает Сирии помочь в реконструкции шиитских святынь. В Сирии находится несколько таких объектов. Одна из них – мазар Сейида Зайнаб (Сит-Зейнаб), находящийся к югу от Дамаска. Здесь похоронена Зайнаб бинт Али², внучка Пророка, дочь Али ибн Абу Талиба³. Место ее захоронения является крупнейшим шиитским центром в Сирии. Здесь проходят лекции, религиозные торжества и происходит распространение религиозной литературы. Кроме того, святыню посещают многочисленные иранские туристы. Число паломников, которое составляло 27 тыс. в 1978 г., в 2003 г. возросло до 202 тыс. человек⁴.

В 1980-х годах Иран и Сирия договорились о финансировании паломничества из Ирана в Сирию для посещения Сит-Зейнаб, третьего по значимости места в шиитском исламе. Сирия оплатила проезд и проживание паломников, а правительство Ирана выделяет каждому паломнику 100 долл. для покрытия их расходов. К 2006 г. от 700 до 1 тыс. иранских паломников отправлялись в Сирию каждую неделю. Это демонстрирует значительное падение по сравнению с 1980 г., когда два Боинга-747 каждую неделю доставляли в Сирию примерно вдвое больше паломников⁵. Следует отметить, что в Сит-Зейнаб похоронен Али Шариати⁶, один из идеологов исламской революции.

¹ TPO determined to facilitate technical-engineering services export to Syria // <https://www.tehrantimes.com/news/450723/TPO-determined-to-facilitate-technical-engineering-services-export> (04.10.2020).

² Зайнаб бинт Али (626–682) – дочь Али ибн Аби Талиба и Фатимы бинт Мухаммада. Исламский пророк Мухаммад был ее дедушкой по материнской линии. Почитается как суннитами, так и шиитами.

³ Али ибн Абу Талиб (601–661) – двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, был четвертым халифом с 656 по 661 г. Он является одной из центральных фигур в шиитском исламе и считается законным преемником Мухаммада в качестве имама мусульман-шиитов.

⁴ Sindawi K. The Shiite Turn in Syria // <https://www.hudson.org/research/9894-the-shiite-turn-in-syria-> (10.09.2020).

⁵ Ibid.

⁶ Али Шариати Мазинани (1933–1977) – иранский революционер, социолог. В 1960-е годы Али Шариати был критиком монархии, но он также нападал

Сайида Рукайя – вторая по посещаемости шиитская святыня в Сирии. Это место захоронения Рукайи бинт аль-Хусейн¹, одной из дочерей имама Хусейна². Благодаря тому что она расположена в Дамаске, она привлекает множество паломников. Имам святыни, шейх Набиль аль-Халбави, является одним из самых известных шиитских деятелей в Сирии.

В начале 1990-х годов иранцы реконструировали гробницу Сурайны бинт аль-Хусейн³, другой дочери Хусейна. Она расположена на кладбище у Малых ворот (аль-Баб аль-Сагир) в Дамаске. В ходе восстановительных работ над старой гробницей была построена новая. Также был расширен двор, чтобы он мог вместить большее количество паломников. Помимо этого, было начато строительство очень большого хусайниния (шиитского молитвенного дома) на месте захоронения⁴. Кладбище у Баб Сагир является также местом захоронения Умм Кульсум⁵, дочери пророка Мухаммада.

При шахе участие иранцев в реконструкции религиозных объектов Сирии было в основном инициативой частных лиц, хоть и при посредничестве иранских госучреждений (например, посольства). Исключением стало соглашение о восстановлении святыни Сит-Зейнаб, заключенное между странами в 1973 г. Оно предполагало, что Иран выделит на реконструкцию гробницы 10 млн туманов. Однако задуманное было реализовано лишь после исламской революции 1979 г.⁶

на консервативное духовенство. За оппозиционную деятельность Шариати неоднократно приговаривали к тюремному заключению. После очередного освобождения в 1975 г. он иммигрировал в Великобританию, где умер от сердечного приступа в ионе 1977 г.

¹ Рукайя бинт аль-Хусейн (676–680 / 681) – дочь Хусейна ибн Али.

² Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб (626–680) – внук пророка Мухаммада и сын Али ибн Абу Талиба и Фатимы, дочери пророка Мухаммада. Является важной фигурой в исламе, так как был членом семьи Мухаммада (Ахль аль-Бейт), а также третьим шиитским имамом.

³ Сурайна бинт аль-Хусейн (ум. 735) – дочь Хусейна ибн Али. Ее мать и она были в Кербеле во время сражения. Вместе с другими женщинами была взята в плен.

⁴ *Sindawi K. The Shiite Turn in Syria// https://www.hudson.org/research/9894-the-shiite-turn-in-syria- (10.09.2020).*

⁵ Умм Кульсум (ок. 603–630) – дочь пророка Мухаммада.

⁶ *Von Maltzahn N. The Syria – Iran Axis. Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. L., N.Y. 2013. P. 190.*

На востоке Сирии в городе Ракка расположены гробницы Аммана бен Ясира¹ и Увайса аль-Карани². В 1988 г. иранские власти участвовали в реконструкции этих святынь³.

В феврале 2016 г. глава Управления по делам пожертвований и благотворительности Ирана Ходжатолислам Али Мохаммади и премьер-министр Сирии Ваэль аль-Халки подчеркнули необходимость расширения сотрудничества в области культурного и религиозного туризма. В ходе встречи официальные лица изучили возможности для расширения двусторонних связей. В частности, обсуждалось развитие религиозного туризма и упрощение процедур посещения иранскими паломниками святых мест в Сирии. Аль-Халки подтвердил, что культурные, интеллектуальные и религиозные сходства, связывающие две страны и их народы, способствуют укреплению отношений Сирии и Ирана⁴.

В марте 2020 г. иранское правительство объявило о временной приостановке туристических поездок из Тегерана к религиозным святыням Дамаска, чтобы ограничить распространение коронавируса⁵.

* * *

До исламской революции 1979 г. отношения Сирии и Ирана были непростыми, даже несмотря на некоторое их потепление в середине 1970-х годов. Сирийское руководство было обеспокоено связями шахского Ирана с западными странами и Израилем. Сближению Сирии и Ирана после падения монархии способствовали общие политические интересы двух стран. Страны вынуждены

¹ Аммар ибн Ясир ибн Смир ибн Малик аль-Ас-Асий считается одним из самых верных и любимых соратников Мухаммеда и Али. Сражался на стороне Али, убит войсками Муавии в битве при Сиффине в 657 г.

² Увайс ибн Амир ибн Джаз ибн Малик аль-Карани – благочестивый мусульманин из Йемена, который жил при жизни исламского пророка Мухаммада. В 657 г. Увайс сражался на стороне Али ибн Абу Талиба против Муавии в битве при Сиффине, тогда же и был убит.

³ Iran's failed cultural diplomacy in Syria // <https://www.theguardian.com/world/iran-blog/2016/jan/06/syria-iran-axis-nadia-von-maltzahn-cultural-diplomacy> (12.09.2020).

⁴ Iran, Syria stress cultural, religious tourism cooperation // <https://en.iran.ir/news/81965594/Iran-Syria-stress-cultural-religious-tourism-cooperation> (11.09.2020).

⁵ Iran Halts Religious Tourism to Syria // <https://syrianobserver.com/EN/news/56421/iran-halts-religious-tourism-to-syria.html> (12.09.2020).

противостоять распространению ваххабитской идеологии и деятельности экстремистских организаций. В современных условиях союзничество Сирии и Ирана помогает ей решать не только экономические, но и военные задачи. В частности, иранские инструкторы организуют подготовку бойцов неправительственных военных отрядов, воюющих на стороне Асада. Для Ирана Сирия по-прежнему является «коридором» на Ближний Восток.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Бибикова О.П.,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН

**РОЛЬ УЛАМА¹ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СИРИИ
(1970–2020)**

DOI: 10.31249/timm/2020.04.06

Аннотация. Религия по-прежнему играет значимую роль в Сирии, несмотря на то что гражданская война разделила сирийцев на сторонников правительства и его противников. Внутри многочисленного отряда мусульманских шейхов также нет согласия.

Ключевые слова: улама; муфтий; партия Баас; алавиты; сунниты.

За время османского владычества в Сирии (1516–1920) Стамбул не создал на подконтрольной провинции иерархию мусульманских авторитетов. Основное внимание султаны уделяли вакуфной администрации, деятельность которой ограничивалась сбором налогов. В конце османского периода в результате реформ Танзимата (1839–1876) Стамбул отправил в Сирию шариатских судей (кади-кудат). Что касается служителей культа в Сирии, то обычно это были наиболее сведущие в фикхе² и уважаемые мусульмане. Традиционно муфтиями, имамами были местные шейхи,

¹ Улама – собирательное название мусульманских религиозных деятелей – муфтиев, имамов, шейхов.

² Фикх – свод правил поведения и норм морали в исламе.

как правило, выходцы из семей религиозных деятелей. Свое образование они получали с детства, заучивая тексты Корана сначала в куттабе (школе при мечети), затем в мадрасе, в юности посещали знаменитых шейхов или участвовали в зикрах различных суфийских сообществ, что отнюдь не возбранялось и даже поощрялось.

Томас Пьерре, бельгийский исследователь ислама в Сирии, отмечает, что с появлением светских учебных заведений дети улемов, которые до этого традиционно следовали по стопам своих отцов и зачастую обучались премудростям ислама дома, захотели получать светское образование. Результатом стало появление на религиозном поприще представителей других сословий или иностранцев. В XVIII в. ими (кроме сирийцев) были курды, выходцы с Кавказа, затем уроженцы Северной Африки, а в XX в. албанцы. Среди последних был известный богослов Насируддин аль-Албани (1914–1999), которого называли «иконой салафизма»¹.

Характерно, что деятельность иностранных шейхов в Сирии иногда сопровождалась появлением новых направлений ислама. Например, Мухаммад аль-Хашими (1880–1991), уроженец Алжира, популяризировал среди сирийских мусульман учение Шазилий². В 1943 г. Макки аль-Каттани (1894 г.р., уроженец Марокко) возглавил Сирийскую лигу улемов, а позднее стал представителем Сирии в Мировой исламской лиге. В поддержку своей родины – Марокко – он также основал в Сирии организацию «Джамия аль-кафф аль-асвад» («Общество черной руки»), которая поддерживала борьбу североафриканских арабов против французских колонизаторов, палестинцев – против британцев, а также ливийцев против итальянцев. Он также объединил палестинскую молодежь Сирии, Ливана и Иордании, поощряя их на борьбу против британского колониализма и сионизма, создав «Рабита шабаб Димашк» (Лига молодежи Дамаска), вместе с членами которой занимался различными видами спорта (верховой ездой и стрельбой из лука), считая эти занятия «благородной традицией».

В 1940-е годы в Сирии были созданы учебные заведения по подготовке улама, т.е. профессиональных знатоков исламских наук.

¹ Сирийский богослов Рамадан аль-Бути и его вклад в развитие исламской мысли во второй половине XX – начале XXI в. Мусульманский мир. № 4. 2017 // <https://cyberleninka.ru/article/n/siriyiskiy-bogoslov-ramadan-al-but-i-ego-vklad-v-razvitiye-islamskoy-mysli-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-vv> (22.09.2020).

² Шазилий – суфийский тарикат, основанный шейхом Абуль-Хасаном аш-Шазали в XIII в.

Характерно, что когда в 1967 г. был принят закон о приватизации (в том числе учебных заведений), эти училища не попали под приватизацию, хотя государство уже тогда стремилось ограничить сферу деятельности религиозных институтов¹.

В 1944 г. в Дамаске была создана «Рабита улама Сурия» (Лига ученых Сирии), куда вошли виднейшие мусульманские шейхи. Ее первым главой стал шейх Абу-ль Хейр аль-Мадани, затем его сменил шейх аль-Макки аль-Каттани. Авторитет этих шейхов был очень высок, благодаря этому они одержали победу на выборах в Национальную ассамблею.

После получения Сирией независимости (1946) была создана Ассоциация улемов Сирии, одним из основателей которой стал Ахмед Куфтару², будущий Верховный муфтий страны.

В 1947 г. была создана партия Баас (Партия Арабского социалистического возрождения), идеология которой представляла собой синтез арабского социализма и панарабизма. С самого начала основатели партии выступали за снижение роли религии в обществе. Абдалла аль-Ахмар (1936 г.р.), один из сподвижников Х. аль-Асада, писал: «Идеология баасизма не приемлет использования конфессионального фактора в интересах как государственной власти, так и какой-либо из социальных групп»³. В 1949 г. все мечети (даже построенные на частные средства) были объявлены собственностью государства⁴.

В 1963 г. в результате «революции 8 марта» партия Баас пришла к власти. В тот период идеология арабского национализма, исповедуемая сирийскими баасистами, стала одной из наиболее значимых националистических идеологий в развивающихся обществах. Но почти сразу возникли разногласия между мусульман-

¹ Pierret Th. Baas et Islam en Syrie. La dynastie Assad face aux oulémas. Paris, PUF, 2011. P. 67.

² Ахмед Куфтару, 1915 г.р., курд, муфтий Дамаска, а затем Верховный муфтий Сирии с 1958 по 2004 г.

³ Религиозная проблематика сквозь призму идеологии партии арабского социалистического возрождения Аль-Ахмар Абдалла // Религия и общество на Востоке. Вып. I (2017). С. 221–256 // [https://religion.ivran.ru/number?artid=10165// \(13.09.2020\).](https://religion.ivran.ru/number?artid=10165// (13.09.2020).)

⁴ Пьер-Жан Луизар в своей книге «Между социальными реформами и национальным движением...» отмечает, что термин «национализация» в арабском языке буквально означает «Реформистская революция». См.: Pierre-Jean Luizard. Entre réforme sociale et mouvement national, dans «Al-Azhar, institution sunnite réformée». Le Caire, 1995. P. 523.

ским духовенством и партией Баас, в результате которых несколько шейхов были арестованы за критику атеизма руководства страны.

В 1970 г. в результате государственного переворота власть в стране сосредоточил в своих руках Х. Асад, член руководства партии Баас, выходец из алавитского сообщества¹. Тогда же, в ноябре 1970 г., состоялся X съезд партии Баас, положивший начало «исправительному движению» и периоду стабилизации страны. Был создан Прогрессивный национальный фронт, в который, при ведущей роли баасистов, вошли Сирийская коммунистическая партия, Арабский социалистический союз, Движение арабских националистов, Организация социалистов-юнионистов и др. В результате всеобщего референдума 1973 г. в стране была принята Конституция², создана административно-командная система, модель которой во многом была заимствована у социалистических стран того времени. Естественно, что правящие круги Сирии учитывали многоконфессиональный состав сирийского общества и не ставили задачу построения государства исключительно с опорой на ислам, что было характерно для большинства арабских стран, придерживавшихся в тот период социалистической ориентации.

Тем не менее Х. Асад, президент Сирии, понимая, что его принадлежность к алавитскому (шиитскому) меньшинству вызывает недовольство среди наиболее религиозно настроенных суннитов, стремился держаться прагматичного подхода. Он общался с религиозными деятелями и регулярно появлялся в мечети во время значимых для мусульман дней. По радио и телевидению регулярно транслировались религиозные программы. Ретроспективно можно рассматривать первое десятилетие правления Х. Асада как

¹ Точную численность алавитов в мире установить невозможно. В Сирии в переписи населения (2003) религиозная принадлежность практически не учитывалась (указывалось: «христианин» или «мусульманин»). Считается, что при общей численности населения Сирии в 17,56 млн человек алавиты составляют от 10 до 12%, т.е. 2–2,5 млн человек. Алавиты в Сирии представлены четырьмя племенами: Хаятая, Калябийя, Хаддадия и Мутавира.

² Конституция Сирийской Республики предусматривает свободу вероисповедания. Первая Конституция страны была принята в 1973 г. большинством голосов на голосовании в Народном собрании в конце января 1973 г. 13 марта 1973 г. она вступила в силу. Новый вариант Конституции был принят в 2012 г. после проведения референдума, который был отклонен оппозицией, посчитавшей, что голосование было сфальсифицировано. Таким образом, исламистская оппозиция пыталась оказать давление на государство, требуя отмены всех законов, которые противоречат исламу как официальной религии в Сирии. Кроме того, они потребовали, чтобы законы были согласованы с шариатом.

относительно стабильное. Наблюдатели отмечали, что предписания Корана значительной частью населения воспринимались как часть традиции, а не как религиозная установка.

В этот период (с 1958 г.) главой сирийских мусульман был Ахмед Куфтари, который призывал к межконфессиональному диалогу. Куфтари с самого начала демонстрировал лояльность Х. Асаду исходя из принципа «сотрудничества с правительством во благо нации»¹. Он последовательно поддерживал деятельность президента внутри страны и в контактах с религиозными деятелями мусульманских стран. Однако период относительной стабильности был прерван с началом «исламской революции» в Иране (1979), которая оказала свое влияние на мусульман арабских стран.

8 января 1978 г. произошла первая крупная антиправительственная демонстрация в городе Кум² (Иран). Уже 1 февраля 1979 г. в Тегеран из эмиграции прибыл аятолла Хомейни, а 1 апреля Иран был объявлен Исламской Республикой. События в Иране всколыхнули весь мусульманский мир. Установление исламской власти в одной из крупнейших стран Среднего Востока возродило надежды суннитского духовенства на повышение роли ислама в странах, где к власти пришли люди, ориентированные на социалистические идеалы. Характерно, что в ряде арабских стран начались волнения.

В том же 1979 г. на севере Сирии были зафиксированы первые антиправительственные выступления под исламскими лозунгами. Власть постепенно осознает, что необходимо ответить на попытки восстановить позиции ислама в государстве гуманитарными институтами. Под патронажем муфтия Куфтари был создан фонд Абу Нур³, женский институт Бадр и другие образовательные организации. В Дамасском университете был создан факультет по изучению шариата, где во второй половине 1990-х годов численность студентов составила 4 тыс. человек.

Столкнувшись с ростом ярко выраженной приверженности исламу, которая получила поддержку в массах, руководство Сирии стало продумывать меры с целью не допустить политизации этого движения. Но эти меры должны были сопровождаться относительной терпимостью к исламским образовательным мероприятиям.

¹ Аль-Сира Аль-Затия ли Ахмед Куфтари (Биография Ахмеда Куфтари). Официальный сайт А. Куфтари // <http://www.kuftaro.org>

² Кум – главный религиозный центр Ирана.

³ Ныне Исламский фонд Ахмеда Куфтари.

Особую опасность для власти представляло движение «Братьев-мусульман», которое постоянно получало финансовую подпитку от аравийских монархий. Основанное еще в 1946 г., после провозглашения независимости, сирийское отделение «Братьев» зародилось в условиях парламентской демократии. Однако государственный переворот (1963) положил конец этой фазе демократического опыта. Враждебный по отношению к исламистам, новый социалистический и светский режим вынудил «Братьев» уйти в подполье. Однако в 1970-е годы «Братья» воспользовались растущей под влиянием событий в Иране популярностью религиозного референта среди молодежи, начали восстанавливать свои позиции. Недовольные секуляризмом баасистов, они стали нападать на представителей властных структур. В феврале 1977 г. был убит ректор Дамасского университета Мухаммед Фадель, в апреле 1978 г. был убит Адель Мини, генеральный прокурор Дамаска, в июне 1979 г. были расстреляны курсанты артиллерийского училища в Алеппо. В Дамаске в этот период участились взрывы начиненных взрывчаткой автомобилей. Власти отреагировали на это арестами. В июле 1980 г. был принят закон № 49, в соответствии с которым членство в организации «Братья-мусульмане» каралось смертной казнью.

Весной 1982 г., после того как «Братья» организовали масштабное восстание в Хаме, относительно мирное сосуществование с властью для «Братьев» закончилось. Восстание было подавлено 8-тысячной армией под командованием Рифаата Асада, брата президента, при поддержке ВВС и танковых подразделений¹. При общей численности жертв в 20 тыс. значительная часть «Братьев» была уничтожена, некоторым удалось бежать за границу. Несколько человек сдались властям.

Мусульманское духовенство Сирии не могло остаться в стороне от происходящих событий, тем более что среди шейхов было много сторонников и даже членов «Братства». Некоторые шейхи были вынуждены уехать из страны. Среди них были шейхи, принадлежащие к Джамаат Зайд («группа Зайд»), влиятельному проповедническому движению, деятельность которого была направлена на религиозное воспитание студентов, учащихся светских учебных заведений.

Эта группа была создана шейхом Усамой Абдул-Каримом ар-Рифаи еще в 1950-е годы и названа по мечети Зайд ибн Сабит

¹ Le Monde diplomatique. Р., 03.05.2006.

аль-Ансари¹, где он служил. Ар-Рифаи проводил занятия по фикху и хадисам с молодежью, которая училась в светских учебных заведениях. У него были последователи среди шейхов, которые также собирали группы молодежи. Таким образом, создавались неподконтрольные власти религиозные кружки, куда входила молодежь из различных социальных слоев. Естественно, что в кружках обсуждались и события в стране, в том числе мятеж в Хаме. И хотя часть слушателей кружка «Зайд» после 1982 г. подверглась репрессиям, его шейхам «удалось внедрить исламское видение политической реальности в умы значительной части образованной молодежи»².

Со своей стороны руководство страны, понимая, что события в Хаме негативно воспринимаются консервативной частью населения страны, сняло ограничения на некоторые культовые обычаи (празднование дня рождения Пророка, ношение никаба³ в школе)⁴.

Кроме того, стремясь воспрепятствовать возможным политическим последствиям от усиления ислама, руководство страны старалось отслеживать все попытки проникновения исламистов в сферу политики. После исламистского восстания 1979–1982 гг. власти на первых порах жестко ограничили религиозную деятельность, а также делегировали управление религиозными делами тем священнослужителям, которые проявили лояльность. В частности, в 1987 г. правительство решило закрыть все исламские школы в Сирии, в том числе Абу Нур, однако шейх Ахмад Куфттару за день до закрытия объявил исламскую школу «Институтом аль-Асад для изучения Корана»⁵. Благодаря патронажу Куфттару многие сирийские мадрасы сохранились как филиалы нового института.

С середины 1990-х годов проявилась относительная либерализация, позволившая утвердить политически более самостоятельные фигуры в общественном пространстве. Авторитет Ахмеда

¹ Мечеть названа в честь секретаря пророка Мухаммада Зед ибн Сабита аль-Аскари (612–665), записывавшего откровения Пророка.

² Pierret Th. Religion and state in Syria. The Sunni ulama from coup to revolution. Cambridge. 2013. XIII. P. 98.

³ Никаб – разновидность хиджаба, женское покрывало, оставляющее открытым только глаза.

⁴ В 2008 г. введен запрет на ношение хиджаба женщинами-преподавателями в школе. В 2010 г. запрет на хиджаб был расширен. На этот раз он коснулся как преподавательниц, так и школьниц и студенток.

⁵ Ahmad Kufttaru // https://ru.qwe.wiki/wiki/Ahmed_Kuftaro (12.09.2020).

Куфтару был общепризнан. Будучи сначала муфтием Дамаска, а затем Верховным муфтием Сирии, он проработал почти 50 лет (с 1949 по 2000 г.) при девяти президентах. Сирийская суннитская среда была привержена традиционным школам исламского права, сохраняя толерантность к суфизму. Некоторые известные шейхи одновременно состояли в суфийских братствах. В частности, муфтий Сирии Ахмед Куфтару был шейхом Накшбандийского тариката¹.

В некрологе, опубликованном после смерти Верховного муфтия, рассказывается о его неустанной деятельности. «Большую часть своей жизни он читал лекции перед молитвой каждую пятницу. Лидеры исламских и других религиозных организаций часто приглашались выступить вместе с шейхом на этих еженедельных маджлисах. Среди гостей на протяжении многих лет были покойный шейх Ахмед Ясин, скандальный Луи Фаррахан, шейх Назим Аль-Кубруси и шейх Хабиб Али Джифри². Часто для выступления приглашались и известные духовные лидеры других конфессий. Эти собрания проходили в переполненной мечети, и присутствующим предлагались синхронные переводы на английском, русском и французском языках. Велась также трансляция по местному телевидению. Ядром этих лекций был постоянный комментарий шейха к Корану... Шейх также не питал отвращения к спорам. В своей неустанной роли межконфессионального защитника он объявил в 60-е годы, что институт Абу Нур празднует рождение Христа, и пригласил лидеров сирийских и ливанских христианских общин. Естественно, последовал шум, не оставивший сомнений в том, кто был самым сильным сторонником экуменического диалога. Более поздний комментарий о природе Иисуса, возможно, наиболее кратко суммировал взгляды шейха Ахмеда: «Если мусульманин не признает Сайидну Ису (Иисуса), то его ислам

¹ Амин Куфтару, отец Ахмеда Куфтару, получил иджазу духовного руководства Иршад суфийских адептов в ордене Накшбанди-Муджадиди-Халиди от своего духовного наставника знаменитого шейха Исы аль-Курди. Позднее шейх Амин Куфтару стал главой этого тариката.

² Шейх Ахмед Ясин (1937–2004) был одним из основателей движения ХАМАС. Луис Фаррахан (1933 г.р.), американский гражданин, глава радикальной организации «Нация ислама». Шейх Назим Аль-Кубруси (1922–1914), потомственный суфий, глава Накшбандийского ордена, шейх Хабиб Али Джифри (1971 г.р.) – сторонник модернизированного суфизма.

напрасен»¹. Свое отношение к власти А. Куфтару выразил слова-ми: «Ислам и политическая власть – близнецы, ни один из них не процветает без другого. Ислам – это основа, а власть – ее храни-тель. Все, что не имеет фундамента, рушится, и все, что не имеет силы, подстерегается»².

Естественно, в условиях жесткого контроля со стороны власти шейхи – сторонники радикального ислама – потеряли воз-можность широко пропагандировать свои взгляды. Тем не менее, несмотря на почти полное исчезновение салафитского крыла си-рийской религиозной элиты, салафизм распространялся в сирий-ском обществе (как и в остальном арабском мире) по различным каналам, включая спутниковые. Изначально предметом критики салафизма был сирийский суфизм. Затем критике подверглось то-лерантное отношение к сирийским шиитам. Шииты в Сирии пред-ставлены шиитами-имамитами (двунаадесятниками, т.е. почитаю-щими 12 имамов) – 0,5%, исмаилитами – 1, алавитами – 11,5%. Всего к шиитам относится 13% населения³. Естественно, что как Саудовскую Аравию, так и Турцию, раздражает то, что Сирию возглавляет человек, принадлежащий к шиитскому (алавитскому) исламу.

Как известно, после смерти Хафеза Асада (2000) страну воз-главил его сын Башар. И если при жизни Х. Асада ближайшее окружение поддерживало кандидатуру Басиля, старшего сына, то после его гибели соратники покойного президента посчитали вто-рого сына, Башара Асада, неравноценной заменой. Некоторые из приближенных (Абдель Халим Хаддам⁴) даже попытались отстра-нить Башара, другие отправились в эмиграцию. Таким образом, Башар Асад был вынужден самостоятельно (без поддержки сорат-ников отца) принимать решения по ряду вопросов.

В частности, в середине 2000-х годов было разрешено воз-вращение изгнанных улемов на родину, кроме того, было позволено

¹ HOMEPAST ISSUESIssue #13 Sheikh Ahmed Kuftaro // <https://web.archive.org/web/20060323085345/>; <http://www.islamicamagazine.com/content/view/87/61/> (12.09.2020).

² Ibid.

³ Религия в Сирии // https://ru.wikipedia.org/wiki/Религия_в_Сирии#Шииты. Иногда к шиитам относят и друзов, но друзская община старается дистанциро-ваться от шиитов (12.09.2020).

⁴ Абдель Халим Хаддам (1932–2020) – суннит, вице-президент Сирии (1984–2005). Покинув Сирию, он в 2006 г. объявил о создании в Париже «прави-тельства в изгнании».

исламским благотворительным организациям работать в средних учебных заведениях. В ответ на это «Братья-мусульмане» объявили о возобновлении своей деятельности на территории Сирии. Когда весной 2011 г. в стране начались массовые антиправительственные выступления, находившиеся в изгнании руководство сирийских «Братьев-мусульман» их поддержало, и уже через год представители «Братьев-мусульман» присутствовали в руководстве оппозиционных сил и военных подразделений, воевавших вместе с муджахедами против правительенных войск¹.

С 2008 г. власти усилили контроль над религиозным полем, одновременно начался процесс интеграции улемов в бюрократический аппарат. Характерно, что большинство улемов восприняли этот процесс положительно, поскольку забота улемов заключается прежде всего в том, чтобы обеспечить себе пространство свободы, необходимое для осуществления своей религиозной деятельности, а не доступ к политическому полю.

В 2012 г. были приняты поправки к Конституции, которые должны были удовлетворить исламистов, критикующих власть за распространение секуляризма в стране. В ст. 3 Конституции Сирии (раздел Основные принципы, Глава Политические принципы) сказано: «Религией президента республики является ислам. Исламская юриспруденция (т.е. шариат. – *O. B.*) должна быть основным источником законодательства. Государство должно уважать все религии и обеспечивать свободу выполнения всех ритуалов, не нарушающих общественный порядок. Личный статус религиозных сообществ должен защищаться и уважаться»².

Ухудшение отношений между баасистским руководством и улемами было частично компенсировано последствиями реформ, целью которых была либерализация экономики. Эти реформы стали осуществляться Башаром Асадом после его прихода к власти в 2000 г. Считается, что это было главным образом в пользу горстки бизнесменов, близких к президенту, самым известным из которых является его двоюродный брат Рами Махлуф. В действительности отказ от социализма также способствовал (хотя и в более скромных масштабах) обогащению более широкой категории средних предпринимателей. Именно благодаря союзу с последними сирийские улемы традиционно черпали финансовые ресурсы для своих благотворительных ассоциаций. Таким образом, эти ресурсы

¹ The Washington Post. 13.05.2012.

² Конституция Сирии. 2012 г. // <https://constitutions.ru/?p=7027> (21.09.2020).

значительно увеличились благодаря либерализации экономики и последствиям нефтяного бума 2003 г.

В этот же период в Сирии создавались исламские банки, которые приглашали улемов в свои наблюдательные советы. Таким образом, эти экономические преобразования приблизили сирийскую религиозную элиту к деловому сообществу и через них к военно-политическому истеблишменту. Таким образом, накануне восстания сирийские улама занимали разные позиции по отношению к власти. Часть улама, затронутые либерализацией экономики, были лояльны по отношению к власти, а другая часть, в основном провинциальная, занимала антиправительственные позиции.

Накануне восстания 2011 г. отношения между правительством и религиозной элитой обострились из-за миссионерской деятельности шиитов в стране. Альянс баасистов с шиизмом имамитского толка начался еще в 1970 г. В тот период Х. Асад, первый «несуннитский» президент в истории Сирии, новый глава государства, стремился к тому, чтобы его алавитское сообщество было признано ветвью шиизма и, следовательно, частью мусульманской уммы. Он получил эту фетву от иностранных шиитских лидеров: иракского богослова и общественного деятеля Хасана аль-Ширази (1937–1980)¹ и ирано-ливанского имама Мусы ас-Садра (1928–1978)². После 1979 г. Дамаск создал стратегический альянс с Исламской Республикой Иран.

Воспользовавшись благоприятным отношением баасистской верхушки, зарубежные шиитские богословы превратили мечеть Сайда Зайнаб (место захоронения внучки Пророка в пригороде Дамаска) в место паломничества шиитов по образцу иранских мест поклонения. После этого число посещающих Сирию иранских шиитов возросло.

Надо отметить, что в сирийско-иранских отношениях не все было гладко. Особенно это касалось попыток Тегерана внедрить систему шиитского образования в Сирии, которые были негативно

¹ Хасан аш-Ширази (1937–1980) – шиитский богослов, выступал в поддержку национально-освободительных и революционных движений в мусульманских странах.

² Муса ас-Садр (1928–1978) – иранский и ливанский шиитский политический и религиозный деятель, богослов и философ. Основатель ливанского движения «Амаль». В 1973 г. он обнародовал фетву, согласно которой объявил всех алавитов, верующих в единого Бога, мусульманами (до этого алавиты рассматривались как еретики). Сунниты Сирии и Ливана называли его «архитектором мусульманского единства».

встречены сирийскими суннитами, тем более что это происходило на фоне разгорающейся суннитско-шиитской гражданской войны в Ираке и сильной межконфессиональной напряженности в Ливане.

Первые массовые выступления в Сирии начались на фоне засухи, начавшейся еще в 2006 г. В 2010 г., по оценке ООН, до миллиона сирийцев оказались на грани голода¹. К февралю 2010 г. в связи с ростом цен на корма было уничтожено практически все поголовье скота². В города потянулись беженцы из сельских районов. Но власти были не готовы оказать поддержку нуждающемуся населению. Рассадником протеста стали перенаселенные пригороды, возникшие вокруг больших городов. Начались неорганизованные антиправительственные выступления. Власти реагировали медленно и нерационально. В СМИ появились призывы к вооруженному восстанию, и тогда правительство решило применить армию. Масло в огонь подливал и катарский канал «Аль-Джазира», призывающий к свержению Башара Асада.

С началом военных действий улама – мусульманское духовенство – приняли непосредственное участие в восстании. Причем большая часть из них была на стороне оппозиции. Именно поэтому в таких городах, как Деръя (на юге), Банияс (на побережье), Дейр эз-Зор (у восточной границы), повстанцы смогли опереться на улама и даже создавали схроны оружия в мечетях. Центром восстания 2011 г. в Деръя стала мечеть Омари в старом городе³. В Баниясе действовала группировка «Джабхат ан-Нусра». Дейр эз-Зор изначально интересовал джихадистов в связи с находящимися там месторождениями нефти, за контроль над которыми различные повстанческие группировки, включая «Джабхат ан-Нусра», начали воевать друг с другом. Отметим также близость этих городов к соседним странам, откуда поступало оружие.

В этих условиях на правительство обрушился шквал возмущения, прежде всего за использование армии в подавлении восстания. Среди них были не только провинциальные шейхи. В Дамаске и Алеппо также были представители религиозного сословия, резко выступившие с критикой действий правительства. Харак-

¹ Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the situation of human rights in the Syrian Arab Republic. 15.09.2011.

² Fountain H. Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change // The New York Times, 2.03.2015.

³ Лишь в июле 2018 г. контроль над городом удалось вернуть путем переговоров.

терно, что некоторые из них смогли значительно поднять свой авторитет именно за счет антиправительственных речей. Так, выступления шейха и шариатского судьи Усамы Абдул-Карима Аль-Рифаи¹ вызывали большой интерес со стороны недовольных. Не меньшую поддержку получил Мухаммад Карим бен Саид бен Карим Радже (1926 г.р.), обладающий титулом «шейх чтецов Билад аль-Шама»². Во время сирийских протестов в мае 2011 г. шейх, проповедовавший в мечети аль-Хасан в районе аль-Мидан, демонстративно подал в отставку, заявив таким образом о своем несогласии с мерами правительства по подавлению оппозиционных выступлений. Хотя эти улама открыто не призывали к свержению власти, они опровергали версию руководства страны, что выступления были инспирированы извне.

1 августа 2011 г., в первый день месяца Рамадан, около 20 известных и уважаемых сирийских улемов опубликовали письмо, в котором обвинили сирийские власти в гибели «жертв насилия» в Хаме и в других городах страны. «Разделяя стремление всех, кто любит эту страну, к стабильности, безопасности и объединению нации, мы, улама Билад аль-Шам, осуждаем и отвергаем применение чрезмерного насилия в Хаме и других мухавазах Сирии. Это привело к пролитию крови сотен детей сирийского народа, странной манере праздновать вступление в месяц Рамадан, месяц равенства, терпимости и прощения. Мы не имеем никакого отношения к этим действиям и возлагаем полную ответственность за них на сирийское руководство. Мы видим в этих преступных действиях стимул к беспорядку на всем пространстве Родины. Мы вновь подтверждаем необходимость выполнения уже изданных указов, законов и решений и, в частности, безотлагательного освобождения всех задержанных»³.

¹ Усама Абдул-Карим аль-Рифаи, потомственный имам мечети аль-Рифаи в районе Кафр-Суза в Дамаске. В 2013 г. на него было совершено нападение, после чего он переехал в Стамбул и поселился в районе Фатих, где проживают много эмигрантов из Сирии. Осенью 2014 г. на своей странице в Facebook он сообщил что по пятницам будет давать уроки в мечети Михримах-султан. Это первый случай, когда Департамент по делам религий Турции позволили арабскому шейху заниматься преподавательской деятельностью.

² То есть глава всех хафизов (знающих Коран наизусть) в Сирии.

³ Des oulémas en vue imputent la responsabilité de l'effusion de sang au régime syrien. 05.08.2011, Le Monde. P. // <https://www.lemonde.fr/blog/syrie/2011/08/05/des-oulemas-en-vue-imputent-la-responsabilite-de-leffusion-de-sang-au-regime-syrien/> (09.09.2020).

К числу шейхов, подписавших это коммюнике (20 из Дамаска и 11 из Алеппо), относится уже упомянутый шейх Мухаммед Карим Радже. Поддержали это послание такие видные религиозные деятели, как братья Усама и Сария ар-Рифаи, Хишам Аль-Бурхани, Аднан Аль-Сака, Джаудет Саид, Ахмед Моазз Аль-Хатиб (бывший шейх Большой мечети Омейядов в Дамаске), Мухаммед Файез Агад и Мухаммед Рашид.

Было еще второе заявление, подписанное шейхами и имамами Алеппо. Причем в дамаскинском заявлении говорится о «полной ответственности режима», в то время как алеппинские улемы несколько мягче рассматривают ситуацию, возлагая на правительство «наибольшую долю ответственности»¹.

Характерно, что документ дамаскинских шейхов не подписали верховный муфтий Сирии шейх Ахмед Бадреддин Хассун и министр по делам вукуфов д. Мохаммед Абдель-Саттар Аль-Сайд.

Заявления религиозных лидеров в Дамаске и Алеппо представляли собой серьезный вызов правительству, которое продолжало оправдывать подавление демонстраций с помощью армии, рассматривая случившееся как полицейскую операцию против «салафитских вооруженных банд», сформированных иностранными государствами против Сирии. Действительно, к тому времени было известно о том, что иностранные государства – аравийские монархии, включая Иорданию, – усилено снабжали восставших оружием и инструкторами.

В феврале 2012 г. более 100 шейхов из разных стран вынесли фетву по поводу ситуации в Сирии, заявив «о недозволенности нахождения сирийцев под режимом Башара Асада и необходимости выхода с этой системы. Они призывали во всем помогать в нуждах Свободной армии Сирии² – в материальном и идеологическом содействии»³.

¹ Des oulémas en vue imputent la responsabilité de l'effusion de sang au régime syrien. 05.08.2011. Le Monde. P. // <https://www.lemonde.fr/blog/syrie/2011/08/05/des-oulemas-en-vue-imputent-la-responsabilite-de-leffusion-de-sang-au-regime-syrien/> (09.09.2020).

² Свободная сирийская армия – создана в июле 2011 г. группой офицеров-дезертиров во главе с полковником Риядом аль-Асаадом. Воюет против правительственные войск.

³ Объединенная фетва ученых по Сирии // <http://www.ansar.ru/rightway/obedinennaya-fetva-uchenyh-po-sirii> (15.09.2020).

Среди тех, кто не подписал фетву, был Саид Рамадан аль-Бути (1929–2013)¹, непримиримый оппонент салафизма², известный своей позицией, касающейся применения насилия как средства достижения политических целей. До начала известных событий шейх Бути неоднократно высказывался против национализма и социализма, составляющих основу баасистской идеологии. Однако после 2011 г. он стал демонстрировать поддержку правящему режиму исходя из того, что «тирания предпочтительнее риска анархии»³. Кроме того, аль-Бути считал, что мусульманскому духовенству следует наладить диалог с властью, что позволит найти взаимопонимание и решить спорные проблемы. Накануне подписания фетвы аль-Бути в ходе пятничной проповеди разъяснял собравшимся в мечети, что Запад пытается столкнуть мусульман между собой, подчеркнув, что еще в 1990-х годах Совет национальной безопасности США разработал план столкновения мусульманских конфессий. Его поддержал имам мечети «Анас ибн Малик» шейх Ахмад Садек Хатыб, который сказал, что враги Сирии за границей мобилизовали все свои силы для разрушения страны.

Среди других сторонников законного правительства Сирии следует назвать Мухаммада Хассана аль-Курди, ректора Дамасского университета, шейха Хисамуддина Фарфура, ректора Исламского университета «Аль-Фатх». Оба шейха, в сопровождении Мухаммада Тавфика Рамазана Бути, который после гибели отца был избран главой Союза улемов Шама и Советником президента Сирии по религиозным вопросам, в феврале 2017 г. посетили Россию по приглашению Общественной палаты. Твердым сторонником законного правительства является Ахмад Бадреддин Хассун⁴, занявший должность верховного муфтия Сирии после смерти Ахмеда Куфтару в 2004 г. Его выступления против оппо-

¹ Аль-Бути был членом Королевского общества исламской цивилизации (Иордания), членом Высшего совета Оксфордского университета (Великобритания), имамом Большой мечети Омейядов (Сирия), президентом Союза алимов Леванта, главой Ассоциации исламских ученых Леванта, деканом факультета шариата Дамасского университета. Автор книги «Джихад в исламе» (1993).

² Аль-Бути погиб в результате взрыва, совершенного террористом-смертником в мечети Аль-Иман.

³ *Pierret Th. Le Baas syrien face à la mouvance islamique sunnite / 28.03.2012 // https://www.lesclesdumoyenorient.com/Le-Baas-syrien-face-a-la-mouvance-islamique-sunnite (04.09.2020).*

⁴ Ахмад Бадреддин Хассун (1949 г.р.) – доктор шафиитского фикха.

зиции и тех, кто ее поддерживает, вызвали большое раздражение в исламистских кругах. Его сын Сария (22 года) был убит осенью 2011 г.¹ В своем интервью «Russia Today» Хассун (13.22.2015) назвал терроризм «новым идеологическим течением, не имеющим ничего общего с исламом»².

Против законного правительства выступила и религиозная оппозиция, находящаяся в эмиграции. Оппозиционные шейхи создали несколько организаций, таких как Исламский комитет Шама³, Фонд улемов и проповедников сирийской революции, Лига проповедников Шама и Комитет свободных улемов и др., которые патронирует саудовский принц Бандар ибн Султан аль-Сауд (1949 г.)⁴.

Среди оппозиционных шейхов скандальную известность приобрел также Аднан Мохаммед аль-Арур (1948 г.р.), уроженец Хамы, регулярно выступающий по саудовскому телевидению. Он традиционно призывает к оказанию помощи и вооружению сирийских муджахедов, а также курдских националистов, выступающих за самоопределение⁵.

Используя возможности новых средств массовой информации для обращения к сирийскому народу, эти аутсайдеры особенно активно стали действовать на территориях, занятых муджахедами,

¹ Верховный муфтий Сирии Ахмад Хассун во время похорон своего сына публично заявил, что он прощает убийц, но просит их только об одном: чтобы они сложили оружие, перестали убивать людей.

² RT International. 13.11.2015.

³ Исламский комитет Шама (Хайят аш-Шам аль-Исламийя) является салафитской НПО, которая собирает средства для беженцев и пострадавшего населения. Его основатели, сирийцы, базирующиеся в Иордании и странах Персидского залива, являются молодыми религиозными предпринимателями, которые, опираясь на свой гуманитарный успех, пытаются построить религиозную и политическую власть. Одна из их многочисленных фетв содержит предупреждение, что отказ от цели установления шариата – это «красная линия» // *Th. Pierret. En Syrie: L'autorité des oulemas mis en cause par la révolution* // https://orientxxi.info/lu-vu-entendu-en-syrie-l-autorite-des-oulemas-mise-en-cause-par-la-revolution_0456 (13.09.2020).

⁴ Бандар ибн Султан аль-Сауд в 2005 г. был назначен генеральным секретарем Совета национальной безопасности королевства Саудовская Аравия. С 2012 по 2014 г. – глава службы общей разведки. До 2014 г. курировал работу по Сирии. Затем на этом посту его сменил Мухаммед ибн Наиф. Именно принцу Бандару было поручено провести операцию по свержению президента Сирии Башара Асада. Об этом сообщила газета *Wall Street Journal* 25.08.2013.

⁵ Шейх Арур отвергает разделение Сирии. 2012-08-21Kurdistan.Ru // https://kurdistan.ru/2012/08/21/news-16632_SHeyh_Arur_otvergaet.html (13.09.2020).

где установился совершенно иной, в том числе религиозный, порядок. Покинув Сирию накануне или в начале восстания, улемы создали в Дохе (Катар) оппозиционную «Лигу улемов Шама» (Рабита Улама аш-Шам), основателем которой является шейх Муаз аль-Хатиб¹. Эта организация с момента своего основания возглавлялась учеными-изгнанниками из Алеппо и Хамы, близкими к «Братьям-мусульманам», такими как шейх Мухаммад Али ас-Сабуни² и член сирийского национального совета Башир Хаддад.

Внутри оппозиции в этот период множатся различные комитеты и организации, которые практически все имеют клерикальный характер. Среди них Исламский комитет Шама, Фонд улемов и проповедников сирийской революции, Лига проповедников Шама и Комитет свободных улемов, в дополнение к местным или этническим структурам, таким как Фронт улемов Алеппо, объединение улемов Джебель Аз-Завия и Ассоциация курдских улемов. Их вес и представительность чрезвычайно различны, но очевидно, что за ними стояли более значимые игроки, имеющие возможность финансировать эти организации.

* * *

Оценивая роль улама в современном сирийском обществе, Томас Пьерре отмечает, что в свое время сирийские суннитские улемы выиграли как от отказа от баасистской идеологии сирийской власти, так и от сокращения роли «Братьев-мусульман» в стране. Однако в нынешних условиях «среди сирийских суннитских улемов мало фигур, пользующихся подлинной национальной репутацией... Отсутствие ведущих улемов стало результатом

¹ Муаз аль-Хатиб – 1960 г.р., имам мечети Омейядов, выходец из семьи «аль-Хасаний» – прямых потомков Хасана, внука пророка Мухаммада. В ноябре 2012 г. был избран президентом Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил. В конце января 2013 г. выступил с предложением начать диалог с законным правительством «во имя прекращения кровопролития и сохранения сотен тысяч жизней». Придерживался умеренного подхода в разрешении политического кризиса в стране. В марте того же года ушел в отставку, объяснив свое решение возрастающим вмешательством иностранных держав (Саудовской Аравии и Катара) в деятельность сирийской оппозиции.

² Шейх Мухаммад Али ас-Сабуни, 1930 г.р., Алеппо, потомственный хафиз (знаток Корана), выпускник Аль-Азхара, преподавал на кафедре Шариата в Университете Умм аль-Курра, также на кафедре Исламского образования в Университете Короля Абдул Азиза в Саудовской Аравии в течение 28 лет.

баасистской политики и репрессий»¹. В нынешней ситуации руководству страны весьма важно иметь соратников из среды религиозных деятелей.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир»*

Белинский А.В.,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Отдела проблем европейской
безопасности ИНИОН РАН

**ТЕНЬ АНКАРЫ НАД ШПРЕЕ.
ПОЛИТИКА РЕДЖЕПА ТАЙИПА ЭРДОГАНА
В ОТНОШЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ОБЩИНЫ ФРГ**

DOI: 10.31249/rimm/2020.04.07

Аннотация. В статье рассматривается политика Р.Т. Эрдогана в отношении турецкой общины ФРГ. Отмечается, что с момента его прихода к власти в 2003 г. Турция стала усиливать активность в отношении проживающих на территории ФРГ соотечественников. Основными направлениями новой политики являются сохранение турецкой идентичности, политический контроль над диаспорой и подавление инакомыслящих.

Ключевые слова: Р.Т. Эрдоган; турецкая община; ФРГ; ПСР; ДИТИБ.

Появление турецких военных кораблей на греческом морском шельфе, поддержка ливийского правительства национального согласия и военные операции на территории Сирии и Ирака еще раз подтвердили неоднократно озвученный политиками и экспертами тезис – с момента прихода к власти Реджепа Тайипа Эрдогана в 2003 г. интересы Турецкой Республики вышли далеко за пределы Малой Азии. В зоне особого внимания новой элиты страны оказалась трехмиллионная турецкая община ФРГ, чей численный, экономический и политический потенциал приобрел немалое значение для выработки внешне- и внутриполитического курса официальной Анкары.

¹ Pierret Th. Baas et Islam en Syrie. La dynastie Assad face aux oulémas. Paris: PUF, 2011. P. 124.

Начало ее формирования положил заключенный в 1961 г. договор между ФРГ и Турцией, открывший шлюзы для трудовой миграции из буквально задыхающихся от перенаселения Центральной и Восточной Анатолии. Изначально рассматривавшееся обеими сторонами как временное, чисто экономическое явление миграция впоследствии стала постоянной переменной в отношениях двух стран, а турецкие закусочные и магазинчики с небольшими вкраплениями минаретов мечетей – неотъемлемой частью ландшафта западногерманских городов.

Было бы не совсем верным утверждать, что в 1960–1980 гг. турецкое правительство не уделяло должного внимания проживающим в ФРГ соотечественникам. Однако его основные усилия были направлены, в первую очередь, на защиту экономических интересов своих граждан и обеспечение им доступа к социальной системе. Политическое же значение динамично развивающейся турецкой общины рассматривалось главным образом через призму борьбы с леворадикальными и курдскими активистами.

Начиная с середины 1980-х годов Анкара стала осознавать растущее значение проживающей в Европе турецкой общины¹, о чем свидетельствовал ряд шагов в этом направлении. «Во-первых, – отмечает Я. Айдин, эксперт берлинского фонда “Наука и политика”, – турецкое правительство укоренило практику координированной защиты интересов по отношению к соответствующим странам-резидентам, коммунам или локальным государственным институтам. Во-вторых, теперь оно проводило мобилизацию турецких граждан заграницей в ситуациях, которые затрагивали “национальные интересы” и старалось использовать мигрантов в своей борьбе против исламистских, курдско-националистических и леворадикальных группировок...»².

Однако качественный сдвиг в политике в отношении турецкой diáspоры ФРГ произошел после победы на парламентских выборах 2003 г. консервативно-исламской Партии справедливости и развития (*тур.* Adalet ve Kalkınma Partisi) и избрания Р.Т. Эрдогана на пост премьер-министра. Этот сдвиг был обусловлен по

¹ Именно к середине 1980-х годов проживающие на территории Западной Германии турки окончательно сформировались как diáspora со своей культурой, традициями и укладом жизни.

² *Yaşar Aydin*. Die neue türkische Diasporapolitik. Ihre Ziele, ihre Grenzen und ihre Herausforderungen für die türkeistämmigen Verbände und die Entscheidungsträger in Deutschland. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2014. S. 8.

меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, к этому времени турецкая община ФРГ стала значимым фактором как с политической, так и с экономической точки зрения. Так, по данным все того же Я. Айдина, на 2014 г. половина турецких предпринимателей в Западной Европе (70 тыс.) проживали на территории ФРГ. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что около 1,4 млн турок имеют право участвовать в выборах, что само по себе является немаловажным фактором во внутриполитической борьбе. Во-вторых, с момента прихода к власти ПСР в турецком истеблишменте постепенно утвердилась концепция «неосманизма», стержнем которой стала активная (а местами и достаточно агрессивная) внешняя политика в тех регионах, которые когда-то находились под властью Ближневосточной Порты. Если в первые годы пребывания Эрдогана у власти внешняя политика страны руководствовалась выдвинутым Ахметом Давутоглу принципом «Ноль проблем с соседями», а на самом высшем уровне всерьез обсуждался вопрос о вступлении в Евросоюз, то бурный экономический рост, подогреваемый амбициями турецкого лидера, привел к изменению политического курса; отныне Турция должна вернуть себе былые позиции на Ближнем Востоке, Северной Африке, Балканах¹. В этих честолюбивых планах турецкой общине ФРГ отводилась одна из ключевых ролей. Какие же конкретно цели преследовало турецкое руководство в отношении своих соотечественников?

Первостепенной задачей Анкары стало поддержание всеми доступными средствами национальной и религиозной идентичности турецкой общины ФРГ. Утрата культуры или же полная ассимиляция проживающих в ФРГ турок не входили в планы Р.Т. Эрдогана и ПСР не только по идеологическим причинам, но еще и потому, что лишили бы их важного инструмента достижения внутри- и внешнеполитических целей. О том, какое значение первые лица Турции придавали сохранению культурных и религиозных ценностей своих соотечественников, можно судить по речи Р.Т. Эрдогана, произнесенной в 2008 г. перед 16 тыс. сторонников в Кёльне. В выступлении турецкого лидера прозвучали слова, смысл которых не должен был вызывать никаких сомнений ни у слушателей, ни у стороннего наблюдателя: «Я хорошо понимаю

¹ Идея проведения более активной внешней политики Турции была выдвинута еще в 1990-е годы президентом Тургутом Озалом. Именно он выступал за превращение страны в региональную державу, налаживание отношений с Азербайджаном и странами Центральной Азии.

вашу чувствительность, когда речь заходит об ассиляции. Никто не может ожидать от вас, что вы смиритесь с ассиляцией. Никто не может ожидать от вас, что вы ассилируетесь. Ассиляция – это преступление против человечества¹. Эти слова вызвали бурю негодования у немецких политиков, осложнив и без того не простые отношения между Берлином и Анкарой.

Выступление турецкого премьера было не просто фигурой речи или попыткой набрать политические очки в будущей предвыборной гонке. Еще в далеком 1984 г. при активном участии властей Турецкой Республики был создан «Турецко-исламский союз религиозных учреждений» (ДИТИБ), призванный не только удовлетворять духовную жажду проживающих вдали от Родины турок, но и усилить влияние властей на турецкую общщину ФРГ. Так, кандидатуры всех имамов ДИТИБа утверждались Советом по делам религий при турецком правительстве, а финансирование шло напрямую из государственной казны. С приходом к власти ПСР число подконтрольных ДИТИБ мечетей достигло 900, а сам он из лояльной турецким властям организации постепенно превратился в «длинную руку Эрдогана». Предоставление площадки для выступлений турецкого лидера, фактическое участие в предвыборной агитации или распространение консервативно-националистической идеологии среди верующих – все это фактически превращает ДИТИБ в немецкий филиал правящей ПСР.

Однако турецкое правительство стремится оказывать влияние не только по линии ДИТИБ, но и через другие организации. В частности, в 2007 г. при прямой поддержке Анкары был создан Институт им. Юнуса Эмре (*turp. Yunus Emre Enstitüsü*). Организованный по образцу Института Гёте и Института Конфуция, он должен был стать эффективным инструментом «мягкой силы» и проводником турецкой внешней политики за рубежом². Наряду с созданием позитивного имиджа страны Институт им. Юнуса Эмре занимается поддержкой языка и культуры посредством организации языковых курсов, а также оказывает финансовую поддержку учащимся в Турции студентам. Но, как и в случае с ДИТИБ, институт выполняет и ряд неофициальных функций, которые пол-

¹ Die Welt. Das sagte Ministerpräsident Erdogan in Köln. 11.02.2008 // <https://www.welt.de/debatte/article1660510/Das-sagte-Ministerpraesident-Erdogan-in-Koeln.html>

² В настоящее время филиалы института действуют в более чем 40 странах.

ностью идут в фарватере турецкой внешней политики. «В издаваемом институтом журнале о культуре “t.r.”, который выпускается на нескольких языках, в турецко-английском номере за январь / февраль 2017 появляется, – отмечает швейцарская Neue Zürcher Zeitung, – статья под названием “Турки принесли Европе свободу”. [...] Афьонджу¹ (автор статьи. – А. Б.) описывает, как в XVI веке протестанты нашли убежище на европейских территориях Османской империи². Как мы видим, Институт им. Юнуса Эмре подчас выступает не только в качестве популяризатора турецкого языка и культуры, но и рупора пропаганды правящей ПСР.

Помимо таких официальных учреждений, как ДИТИБ и Институт им. Юнуса Эмре, Анкара активно работает с представителями гражданского общества, о чем, например, свидетельствует тесное сотрудничество ПСР и байкерского клуба «Osmanen Germania BC». По данным газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung, три лидера клуба, бывший президент клуба Мехмет Б., бывший вице-президент Сельджук С. и руководитель Штутгартского отделения Левент У. контактировали с представителями «Союза турецко-немецких демократов», являющегося зарубежным филиалом ПСР. Предметом переговоров, вероятно, была финансовая поддержка клуба в обмен на выполнение ряда заданий Анкары (политическая агитация, слежка или устрашение политических оппонентов и т.д.)³.

Широко раскинутая над турецкой диаспорой ФРГ сеть официальных и частных организаций, религиозных учреждений и клубов по интересам дает правящим кругам Турции возможность проводить мобилизацию сторонников для достижения своих внешне- и внутриполитических целей. Подготовка к проведению референдума по поправкам в турецкую Конституцию, которые должны были превратить страну в президентскую республику, стала смотром всех проэрдогановских сил в ФРГ. ДИТИБ, «Союз турецко-немецких демократов» и другие организации активно агитировали за их принятие. Такие внешнеполитические шаги Турции,

¹ Эрхан Афьонджу – турецкий историк, ректор Национального университета обороны Турции.

² Neue Zürcher Zeitung. Wie der türkische Staat im Ausland Propaganda betreibt. 29.03.2017 // <https://www.nzz.ch/feuilleton/akp-kulturpolitik-im-ausland-weltmission-all-a-turca-ld.154034>

³ Frankfurter Allgemeine. Türkische Rocker als Handlanger Erdogans. 13.12.2017 // <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/osmanen-germania-arbeits-sie-fuer-erdogan-und-die-akp-15339437.html>

как военная операция в Сирии против курдов, также сопровождалась шумным пропагандистским «хором», дирижировавшимся с берегов Босфора. «После вступления турецкой армии в Сирию Управление по делам религии (*tur. Diyanet*) призвало молиться в мечетях за победу Турции. Впоследствии в мечетях, входящих в ДИТИБ, демонстрировались видео, которые показывали детей дошкольного возраста в военной форме»¹. Подобного рода действия неизбежно вызывают критику и тревогу со стороны немецких политиков и прессы.

Определенные надежды Анкара связывает и с более активным участием немецких турок в политической жизни ФРГ. «Почему мы не должны иметь бургомистров в Германии, в Нидерландах, Бельгии и других европейских странах? Почему у нас не должно быть представителей или групп в политических партиях?»² – вопрошал турецкий премьер в Кёльне. Именно с политической активностью турецкой общины Эрдоган и ПСР связывают улучшение имиджа Турции и усиление своих переговорных позиций. И хотя в настоящее время в немецком бундестаге уже заседают депутаты с турецкими корнями, далеко не все они поддерживают политику Эрдогана.

Однако гораздо большим поводом для беспокойства в глазах Берлина, несомненно, является деятельность турецких спецслужб на территории ФРГ. Как уже отмечалось выше, шпионаж за политическими оппонентами правительства (курдские активисты, члены левых партий) имел место и 1980–1990-х годах, однако после неудачной попытки военного переворота в июле 2016 г. ситуация радикально изменилась. Последовавшая за этим расправа над путчистами стала стремительно раскручивать маховик репрессий, жертвами которых стали тысяч явных и мнимых сторонников оппозиционного проповедника Ф. Гюлена, журналистов, преподавателей и чиновников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что турецкая община ФРГ, среди членов которых было немало критиков режима, оказалась под самым пристальным вниманием спецслужбы МИТ (Национальная разведывательная организация Турции). В докладе Федеральной службы защиты Конституции

¹ Deutsche Welle. Erdogan und DITIB: Das passt. 29.09.2018 // <https://www.dw.com/de/erdogan-und-ditib-das-passt/a-45593061>

² Die Welt. Das sagte Ministerpräsident Erdogan in Köln. 11.02.2008 // <https://www.welt.de/debatte/article1660510/Das-sagte-Ministerpraesident-Erdogan-in-Koeln.html>

Германии за 2019 г. отмечалось: «Наличие многочисленной турецкой общины и большого числа организаций, а также дипломатических представительств создает благоприятную почву для деятельности МИТ»¹. По известным соображениям в публичном докладе немецкие контрразведчики не указали ни число агентов, ни их конкретные операции. Однако эксперт по спецслужбам Э. Шмидт-Энбум со ссылкой на свои источники полагает, что число информаторов МИТ в турецкой общине может достигать по меньшей мере 6 тыс. человек, которые работают в «...туристических бюро, “Турецких авиалиниях”, в банках, мечетях и других учреждениях»².

Об усилении активности турецких спецслужб в последнее время красноречивее всего свидетельствуют два следующих факта. Так, еще в 2014 г. прокуратура обвинила трех агентов МИТ в том, что они осуществляли слежку за курдами и езидами. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что одним из обвиняемых был Мухаммед Таха Гергерлиоглу, бывший советник Эрдогана³. В перекрестье прицела разведки попал и Алиналь Озюл, молодой турок, вынужденный в 2016 г. из-за принадлежности его семьи к секте Гюлена перебраться в ФРГ. Оказавшись в небольшим городке Вольфхаген, он посетил мечеть, в которой надеялся получить поддержку. Однако местный имам, узнав о политических мотивах миграции, стал угрожать ему и потребовал, чтобы молодой человек немедленно зарегистрировался в посольстве. Впоследствии он подвергся нападению со стороны нескольких представителей местной общины⁴. Оба этих случая наглядно демонстрируют, насколько сильно турецкая диаспора ФРГ «просвещивается» спецслужбами и насколько сильно влияние Эрдогана⁵.

¹ Verfassungsschutzbericht 2018 // Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. 2020 // <https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2019.pdf> S. 304.

² Deutschlandfunk. «Sammelwut aus dem Ruder gelaufenen Nachrichtendiensts» 22.08.2016 // https://www.deutschlandfunk.de/tuerkischer-geheimdienst-in-deutschland-sammelwut-eines-aus.694.de.html?dram:article_id=363800

³ Telepolis. Erdogans deutsches Spitzel-Netzwerk. 23.09.2016 // <https://www.heise.de/tp/features/Erdogans-deutsches-Spitzel-Netzwerk-3336696.html>

⁴ ZDF. Wie Erdogan-Kritiker in Deutschland bespitzelt werden // https://www.youtube.com/watch?v=c_SaqUX9yiY&t=191s

⁵ При этом деятельность МИТ может не ограничиваться только слежкой за политическими оппонентами режима. Загадочное убийство трех активисток Курдской рабочей партии в январе 2013 г. в Париже и похищение турецкими спецслужбами сторонников Гюлена по всему миру являются прямым тому подтверждением.

Основанная на контроле и тесной работе с различными организациями, шпионаже и угрозах, умелой пропаганде и щедрой финансовой помощи политика турецких властей в отношении диаспоры принесла определенные плоды. На парламентских и президентских выборах правящая ПСР набирала среди живущих в Германии турок больше голосов, чем в самой Турции. Так, на прошедших в июне 2018 г. выборах ПСР получила 42,56% в Турции, в то время как в ФРГ ей удалось собрать воистину богатый урожай в виде 56,3%¹.

Очевидно, что политика правящей элиты в отношении турецкой диаспоры создает предпосылки для многочисленных конфликтов с официальными властями ФРГ. В ноябре 2016 г. депутаты бундестага от партии «Левые» направили правительству запрос относительно деятельности турецких спецслужб на территории ФРГ. В документе были приведены многочисленные факты слежки со стороны МИ5 за немецкими гражданами турецкого происхождения. Однако официальный Берлин пока хранит дипломатическое молчание, предпочитая лишний раз не обострять и без того сложные отношения с Турцией.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ Эта поддержка внутри- и внешнеполитического курса Р.Т. Эрдогана и ПСР со стороны значительной части диаспоры объясняется не только эффективной работой турецких властей, но и рядом других факторов. Во-первых, большинство проживающих на территории Германии являются выходцами из Центральной и Восточной Анатолии. Консервативные установки и высокая религиозность в конечном счете и определяют их симпатии к ПСР. Во-вторых, недостаточная интегрированность в немецкое общество и чувство национальной уязвленности у многих немецких турок создают благоприятную почву для националистической риторики Эрдогана, а сам турецкий президент в их глазах превращается в «отца нации», защитника ее интересов. В-третьих, представители диаспоры не сталкиваются напрямую с внутренними проблемами Турции (падение курса национальной валюты, репрессии и т.д.), что определяет достаточно высокие симпатии к президенту Турции.

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2020 г. № 1 (315) – 4 (318)**

№ 1 (315)

Сченснович В.Н. Демография и миграционные процессы в современной России. (Обзор) (с. 5–20); *Добаев И.П.* Механизмы социальной и политической мобилизации в радикальном исламе (с. 20–25); 2020.01.001. *Филатов С.Б.* Мусульманское сообщество Петербурга: традиции в контексте современных вызовов (с. 26–32); 2020.01.002. *Койчуев А.А.-Д.* К вопросу о профилактике религиозного экстремизма в Карачаево-Черкесии (с. 32–36); 2020.01.003. Место Туркменистана в системе международных транспортных коридоров. (Сводный реферат) (с. 37–45); *Курбонов Т.* Влияние современной цивилизации на национальный менталитет узбеков (с. 45–49); 2020.01.004. *Новосельцева А.* Медиатизация сирийского конфликта в газетах The Washington Post и The Washington Times (с. 50–55); *Мамадиев Б.Б.* Особенности центров по изданию фетв в Саудовской Аравии (с. 55–69); *Азимов К.С.* Шиитский фактор в отношениях Саудовской Аравии и Ирана (с. 69–84); *Мамадиев Б.Б.* Фетвы улемов мусульманских стран о ранних браках и много-

женстве (с. 85–98); *Кличев О.А.* Особенности приема посольств Российской империи в Бухарском эмирате во второй половине XIX в. (с. 99–114); 2020.01.005. *Симонов К.В.* Религиозные основы современного спорта (с. 114–117).

№ 2 (316)

Коробкова Ю.В. К вопросу о применении спиндокторинга во внешней политике России (с. 5–9); *Флиши де ла Невиль Т.* Коронавирус: паразит глобализации и неожиданный повод для сбора медицинских данных (с. 9–14); *Адиеев А.З.* Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Дагестан в 2019 г. (По материалам событийного анализа) (с. 15–31); 2020.02.001. *Сченснович В.Н.* Внешняя политика Азербайджана. (Сводный реферат) (с. 31–41); *Захаров Ф.В.* Современная стратегия «мягкой силы» Узбекистана (с. 41–47); 2020.02.002. *Дмитриева Е.Л.* Исламская финансовая система на постсоветском пространстве. (Сводный реферат) (с. 47–55); 2020.02.003. *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Максимова А.С., Гафурова Ш.Ш.* Трансформация социальных ролей женщин в Таджикистане в условиях трудовой миграции. (Реферат) (с. 56–60); *Сченснович В.Н.* Экономическое и политическое взаимодействие Ирана и России. (Обзор) (с. 61–70); *Бибикова О.П.* Интересы Турции в Идлибе (с. 70–80); *Дмитриева Е.Л.* Административная коррупция в современном Ираке. (Обзор) (с. 80–88); *Юницкая К.И.* Специфика исламского маркетинга (с. 89–93); *Юсупова Н.Ж.-кизи.* Религиозная сущность брачного возраста в исламе (с. 93–101); *Гулямова Г.С.* Своеобразие развития духовной культуры в XV–XVI вв. на территории Центральной Азии (с. 101–105).

№3 (317)

Добаев И.П. Внешние факторы геополитических процессов на Юге России в условиях глобализации и регионализации (с. 5–20); *Флиши де ла Невиль Т.* Цифровизация мира: эпоха незримой власти (с. 21–33); *Абдуллагатов З.М.* Дагестанцы в зарубежном исламском образовательном процессе: за другими знаниями (с. 34–54); *Сатторов М.Д.* Экологическое воспитание молодежи в Узбекистане на основе национальных традиций (с. 55–59); *Мусаев О.Р.,*

Каршиев Ш.С. Проблемы религиозной толерантности и межэтнических отношений в Узбекистане (с. 59–64); *Каримов Ф.Э.* Проблема этнических курдов в Ближневосточном регионе: история возникновения и эволюция (с. 65–71); *Кириченко В.П.* Султан Ка-бус и модернизация Омана (с. 71–80); *Астафьева Е.М.* Мусульманская / малайская община Сингапура (с. 81–91); *Мосяков Д.В., Омарова У.А.* «Новая исламизация чамов». Причины и последствия для Камбоджи (с. 91–102); *Панарина Д.С.* Моро – дестабилизирующий фактор на Филиппинах: попытки решения проблемы (с. 102–113); 2020.03.001. *Дмитриева Е.Л.* Пути развития мусульманского сообщества в условиях глобализации. (Сводный реферат) (с. 114–120); *Хошимова Г.И.* Духовно-нравственная основа военной культуры военнослужащих армии Узбекистана (с. 121–124).

№ 4 (318)

2020.04.001. *Сченнович В.Н.* Демографическая и миграционная ситуация в России в период пандемии COVID-19. (Сводный реферат) (с. 5–9); *Добаев И.П.* Этническое и конфессиональное в исламе: так ли религиозно чист «истинный ислам»? (с. 10–23); 2020.04.002. *Дмитриева Е.Л.* Роль политических элит на Северном Кавказе. (Сводный реферат) (с. 24–32); *Сченнович В.Н.* Сотрудничество России с Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном в рамках ШОС и ЕАЭС. (Обзор) (с. 33–41); 2020.04.003. *Дмитриева Е.Л.* Энергетический фактор в современных российско-туркменских отношениях. (Сводный реферат) (с. 42–50); *Икромов Ш.И.* Реисламизация жизни мусульман Центральной Азии в конце XX в. (с. 51–61); *Азимов К.С., Бибикова О.П.* Шииты в общественно-политическом пространстве современного Ливана (с. 62–75); *Кириченко В.П.* Иран и Сирия: факторы сближения и сотрудничества (с. 75–85); *Бибикова О.П.* Роль улама в общественной жизни Сирии (1970–2020) (с. 85–102); *Белинский А.В.* Тень Анкары над Шпрее. Политика Реджепа Тайипа Эрдогана в отношении турецкой общины ФРГ (с. 102–109); Список статей, опубликованных в 2020 г. (с. 117–119).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2020 – 4 (318)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор М.П. Крыжановская
Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15/XII-2020 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,0 Уч.-изд. л. 6,5
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 126

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У